

Островок счастья

ИСТОРИЯ СТРАННОЙ ЛЮБВИ

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — СЕМЬЯ

ЛАРИСА РАЙТ

Лариса Райт

История странной любви

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066192
Лариса Райт. История странной любви: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76405-1

Аннотация

Вике не повезло в жизни – сложные отношения с матерью, безденежье и отсутствие какой-либо надежды на положительные изменения заставили девушку покинуть дом в юном возрасте. Она буквально вгрызалась в жизнь, пытаясь урвать хотя бы кусочек счастья. Но всякий раз с таким трудом добытое вдруг растворялось в руках Вики, оборачивалось туманом. Есть ли в этом мире хоть островок надежды? Да, и он зовется любовью, только Вика еще не готова принять эту любовь, ведь она не умеет любить даже себя.

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	23
5	31
6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лариса Райт

История странной любви

В оформлении переплета использована фотография: Olga Pink / Shutterstock.com

В названии серии использована иллюстрация: Igor Plotnikov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Ройтбурд Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

1

– Провожаящие! – проводница бесцеремонно заглянула в купе. – Освобождаем помещение! Через пять минут отправляемся!

– Пойду, что ли?

Мать приподнялась с полки – да так и застыла в неловкой позе, вопросительно глядя на дочь.

– Иди, – кивнула Вика, с трудом сдерживая нетерпение.

Она пока не чувствовала ни грусти расставания, ни страха перед неизвестным будущим. Одна только безудержная эйфория окончательной свободы кружила ей голову и обещала впереди сладкую жизнь.

– Ну, пока?

Мать выпрямилась и отвернулась, смахивая притворные слезы. Вика поморщилась.

– Ты уж пиши там, не забывай.

– Напишу.

Вика легко спрыгнула с полки, быстро, как-то мимоходом обняла мать и легонько подтолкнула к выходу:

– Ну иди, автобус ведь...

– И правда, – мать вздохнула и вышла в коридор. – Я тогда не буду ждать...

– Не надо, опоздаешь.

Мать кивнула и, отвернувшись, медленно побрела к тамбуру. Сошла на перрон и так же не торопясь, будто нехотя, стала удаляться от вагона, в котором оставила дочь.

Та смотрела ей в спину и мысленно подгоняла: «Ну же! Ну же! Не успеешь ведь! Потом три часа до следующего рейса торчать тут, а мальцы там одни. Еще случится что! И надо было тащиться, провожать меня? Говорила ведь: «Сама справлюсь». А теперь вот сиди здесь, психуй, гадай, чем там малышня занимается».

Наконец сгорбленная спина матери скрылась из вида, и мысли Вики приняли совершенно другое направление. Она вытянулась на полке и мечтательно прикрыла глаза. Она не думала ни о чем конкретном, в ее сознании вспышки разноцветного салюта сменялись плавным радужным свечением, а в голове безостановочным забегом кружилось единственное слово: «Все. Все. Все!»

Поезд дернулся, покачулся и тронулся. Салют в Викиной голове долбанул финальным, раскатистым выстрелом, заставив ее вскочить с полки и выкрикнуть в полный голос:

– Все!

– Чего орешь? – Дверь тут же распахнулась, и недовольная проводница вкатилась в купе. – Билет давай! До Москвы, значит? – Она посмотрела на Вику с жалостью. – И чего вам там всем: медом намазано, что ли? Едут и едут, будто она резиновая – Москва эта. Чего дома-то не сиделось?

– Не ваше дело! – буркнула Вика.

Не хватало еще, чтобы противная тетка испортила ей настроение. Москва, может, и не резиновая и намазано там таким, как Вика, скорее всего, горчицей, а не вареньем, но разве это имеет какое-то значение, если Вика решила? Раз решила – значит, сделает. Не за просто так ее в школе либо танком называли, либо бронепоездом. Она – вездеход, везделет и везделаз. Нет для нее нерешаемых проблем и закрытых дверей. Авторитетов Вика не признавала, но к тому, что учителя говорили ей вслед: «Далеко пойдет!» – прислушивалась. И кстати, Москва – это не так уж далеко. Подумаешь, пара тысяч километров. Зато есть время все обмозговать и нарисовать какой-нибудь симпатичный план действий.

– А ты еще и хамка, – проводница вернула Вике билет, но убираться из купе не спешила.

– Какая есть, – огрызнулась Вика и отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

– Ну, не серчай, не серчай! – проводница наконец поднялась. – Может, и получится чего у тебя.

Она вышла, оставив после себя запах немытого тела и привкус несложившейся судьбы, который захотелось заесть. Вика вытащила из сумки пакет, захрустела домашним огурцом. Неожиданно накатила тоска – в Москве еще неизвестно, как питаться придется!.. Никто с горячим ужином ждать не станет. Дома-то всегда и картошечка сварена, и соленьями погреб заставлен. Ну и что, что практически целый год одно и то же. Вкусно ведь! Да и Вике разве плохо от такого питания? Кожа да кости без всяких диет и упражнений. Фигура, в общем, модная и востребованная. Так, во всяком случае, в журналах пишут. А как оно на самом деле – время покажет.

Девушка снова заулыбалась. Прочь хандру, и никаких сожалений! Что сделано – то сделано. В противном случае она бы себе никогда не простила то, что даже не попыталась. Не попыталась сойти с колеи, которую ей предписала судьба, с колеи, у которой было только два разветвления: либо областной завод (если, конечно, случится удача туда попасть), либо профучилища, обслуживающие работников завода и их семьи: медицинское, педагогическое, кулинарное. Вика не хотела быть ни врачом, ни учителем, ни поваром. Она собиралась стать переводчиком, но переводить в их краях можно было только с матерного русского на приличный и обратно.

Был, конечно, и третий путь. Можно было сразу после школы идти работать. Мать, конечно, на это и рассчитывала. Сколько раз говорила: «Вот закончишь школу, и тогда...» Что именно «тогда» произойдет, она никогда не уточняла, а Вика и не спрашивала, предпочитая не посвящать мать раньше времени в свои планы. Конечно, мать надеялась, что Вика станет приносить в дом копеечку и помогать одевать-обувать малышку, но у Вики тоже ведь жизнь одна. Она этих детей не рожала, с какой стати она должна помогать их содержать, а не, например, их папаша? Мать говорит: «Чего с него взять, непутевого?» Жалеет еще. Подумаешь, не женился. Подумаешь, детей не признал. Бедненький! Жалко его.

А Викину жизнь ей не жалко. Ее она себе уже нарисовала – на пятнадцать лет вперед. Хорошо, что поделилась эскизом аккуратно после выпускного:

– Через неделю к Антонине пойдешь, она обещала взять. Думает к лету вторую точку открыть, так что пока подучишься, а потом она тебя туда и поставит. Заживем тогда, а, Вика? Тут недовесишь, там обсчитаешь. Как там оно у продавцов водится? Да и в еде хоть какое разнообразие появится. Работник магазина – это сила. Чевой-то нахмурилась? Или не рада?

– Рада, – угрюмо ответила Вика, а на следующий день положила перед матерью билет до Москвы.

– Откуда? – охнула та.

– Пашка Сергачев из Иркутска привез. Они туда с батей по делам мотались, я и попросила купить.

– А деньги? Деньги кто отдавать будет?

– Да не волнуйся, мам, я уже все отдала.

– Отдала? А...

– Не переживай, я не брала в шкатулке. Свое отдала.

– Свое? – удивилась мать. – А...

Но расспрашивать передумала: меньше знаешь – крепче спишь.

Оно и верно. К чему ей подробности? Пашка Сергачев был вполне симпатичным, и если Вика и жалела о своей отданной ему невинности, то недолго. Решение было сознательным и обжалованию, как водится, не подлежало. Ну не брать же у матери из шкатулки последнее, в самом-то деле.

– А я-то как же, Викусь? А они?

Мать все не могла поверить в реальность отъезда старшей дочери.

– Им больше еды достанется. Мам, я же жру, как лошадь, сама знаешь. Вон, сколько раз причитала, что не напасешься. Теперь полегче станет. А эти, – она мотнула головой в угол, где на полу возились трехлетние Танька и Ванька, – в сад пойдут. Ты хоть вздохнешь спокойно.

Мать вздохнула, но отнюдь не спокойно. Махнула рукой: мол, делай, как знаешь. Вика обняла мать, потерлась щекой об уже морщинистую шею нестарой женщины, заговорила быстро, горячо, убедительно:

– Мам, ну, останусь я тут, и что? Ну, буду торчать в этой Тониной палатке. Что я там увижу? Кого встречу? Алкаша какого-нибудь? Вот представь: сойду с таким от тоски, приведу сюда, свой выводок нарожаю, что делать-то тогда будем?

– Да что ты мелешь-то, дуреха? Нарождает она! Ты у меня всегда с головой была, неизвестно в кого только. Так что нечего меня пугать страшными картинками. Решила уезжать – уезжай. Не забывай только.

– Я не забуду, мамочка, – пообещала Вика, заранее зная, что забыть, конечно, не забудет, но вспоминать постарается как можно реже.

А вот, поди ж ты, и десяти минут не прошло, а уже вспомнила.

А как о малышне не вспомнить? Если с кем и было жалко расставаться, так только с ними. О них сердце болело. О них душа печалилась. Что они без Вики делать будут? Как жить? Вика ведь и приготовит, и накормит, и погуляет, и поиграет. А теперь что? А теперь Вика едет учиться и с образованием сможет сделать для своей малышни гораздо больше, чем без него. Так что – «в Москву, в Москву!» – и никаких сомнений. Хотя, может, не надо в Москву? Может, сойти на следующей и вернуться? Нет, все-таки права мать: дуреха, дуреха и есть! Нечего вспоминать, незачем оглядываться. Удача любит тех, кто смотрит только вперед.

Вика прикрыла глаза и сама не заметила, как уснула. Через полчаса в купе снова заглянула проводница и увидела на полке свернувшуюся калачиком тоненькую девчушку. Она накрыла пассажирку одеялом и посмотрела на часы. Через два часа остановка, в купе должны подсесть пассажиры. Пускай поспит пока. Неизвестно, какая компания подберется. Она аккуратно подоткнула одеяло и перед тем, как выйти, снова взглянула на худой беззащитный комочек, в котором сейчас не было видно и тени той силы и решимости, что читалась в девице раньше. Проводница, которая в душе была доброй и даже сердобольной, покачала головой и спросила куда-то ввысь:

– Дуреха?

И тут же кивнула утвердительно:

– Дуреха и есть!

2

– Виктория Сергеевна! – Секретарша Леночка в третий раз заглянула в кабинет и просительно подняла глаза к небу.

Вика нахмурилась, не переставая говорить:

– Месторасположение замечательное: уютная, тихая бухта, красивый пейзаж...

Убийственным взглядом она приказала секретарю закрыть дверь с другой стороны и подарила слушающим ее мужчинам убедительную улыбку:

– Проблема – в очистке пляжа. До сих пор никто ничего не построил на этом месте из-за того, что требуются вложения. Здесь, – она достала четыре папки и раздала их гостям, – все расчеты на ближайшие четыре года. Допускаю погрешность, но не более чем в один-два миллиона.

– То есть прибыль предполагается на пятый год?

– Не забывайте, что это только третий год функционирования отеля, а в минус мы перестанем уходить уже в год открытия.

– Заманчиво. Но надо бы съездить. Что скажете, Виктория Сергеевна?

– Скажу, что самолет зафрахтован, не проблема.

Гости одобрительно заулыбались. Вика ощутила победное ликование. А уж когда они воочию увидят это место, все их сомнения развеются, и она получит желаемое!

Она нажала кнопку селектора:

– Леночка, как обычно.

Эти слова вызвали очередные улыбки на лицах мужчин. Они уже знали: через несколько минут им подадут кофе с потрясающими десертами. И они станут интеллигентно, маленькими кусочками поглощать чудо кулинарного искусства и нахваливать повара:

– Ваш шеф, дорогая Виктория, просто волшебник...

А Вика будет кивать и улыбаться, но, конечно, без тени смущения, а даже с некоторым налетом гордости и превосходства. Да, вот такой у меня шеф. Не чета вашим!

И неважно, что шеф этот вовсе не ее, а ресторана через два квартала, в котором Лене приказано закупать пирожные в дни совещаний. Какая разница? Важно то, что в представлении этих толстосумов личный повар у нее имелся. И, судя по тем изыскам, что он подавал, стоил весьма недешево и заканчивал, видимо, как минимум Кулинарную академию в Париже.

У Вики действительно был личный повар – домработница Света, которую она иногда просила то отварить макароны, то пожарить картошку. А еще была любимая сеть дорогих супермаркетов с очень неплохой кулинарией, где в Викином распоряжении всегда были салаты, мясо, рыба и даже дичь. Правда, когда она на той неделе принесла тетерева, Лялька сморщила нос и есть не стала. Но это не страшно. Ей даже полезно поголодать иногда. А то – вон в какую кобылу превратилась. Вика в ее возрасте в три раза меньше была.

Дверь отворилась, и в комнату вплыла Леночка с подносом в руках. Поравнявшись с начальницей, она прошептала:

– Три раза звонил.

– Знаю, – ответила Вика одними губами.

Столько же раз мигал беззвучным сигналом вызова мобильный на ее столе. Муж всегда перезванивал секретарю, если жена не отвечала. Обычно лишь для того, чтобы поинтересоваться, когда Вика освободится, чтобы перезвонить. О том, чтобы ждать, когда она перезвонит сама, речи не было. Так можно было никогда не дожждаться. Она – занятой человек и не может позволить себе отвлекаться. Вот если ее отвлечь не совсем не вовремя, тогда она, может, и ответит, и поговорит, и даже найдет время обсудить, какие шторы повесить в сто-

ловой и куда летом отправить Ляльку – в Англию или все-таки в Швейцарию. В Швейцарии, говорят, построже, но в Англии – английский. Вика должна решить, в конце концов, что ей надо: воспитание или образование. Нет, образование в Швейцарии, конечно, тоже прекрасное, но вместо английского придется сосредоточиться на французском или даже на немецком. Смотря, в какой пансион попадешь.

– Наверное, по поводу школ, – прошептала Вика секретарше.

– Не знаю. Голос какой-то странный.

– Просто запиши, что он хочет.

И чуть громче:

– Спасибо, Лена, можете идти.

Вика играла роль гостеприимной хозяйки, собственноручно разливая чай и раскладывая пирожные по тарелкам.

– Если ваш шеф согласится переехать в наш будущий отель, успех обеспечен, – похвалил свой чизкейк один из инвесторов.

– Мы сделаем миллионы на одних его десертах, – тут же подхватил второй.

Другие двое просто кивали с набитыми ртами.

Вика улыбнулась. Не им – своей хулиганской мысли: «Вряд ли гости отеля придут в восторг от Светкиной стряпни».

Мобильный снова замигал зеленым светом. Через минуту раздался смущенный голос секретарши из селектора:

– Виктория Сергеевна, я думаю, вам все-таки лучше поговорить.

– Ле-на! – отчеканила она твердо и раздраженно.

Ее посетители должны знать, что она не спускает персоналу оплошностей.

– Я же вам ясно объяснила...

– Да, но...

– Делайте, что вам говорят. Сегодня и всегда, ясно?

Краем глаза Вика видела, как одобрительно переглянулись инвесторы: «Эта своего добьется!» Их отель станет лучшим на побережье. Конечно, станет. В конце концов, это уже не первый и даже не второй проект Виктории Струновой. И встреча, хоть и была важной, но все же достаточно номинальной. В определенных кругах знали: Струна не лопнет и не сломается. В нее нужно верить, а ей нужно доверять. Сделаешь так – и не прогадаешь. Она тебе и миллионы вернет, и проценты заплатит. Себя, конечно, не обидит, но за хорошую идею и заплатить не жалко. А уж если эта идея сопровождается отменным бизнес-планом и стальным характером для его воплощения, то сомневаться в успехе предприятия не приходится.

Инвесторы и не сомневались. Они пили чай с пирожными и неспешно обсуждали текущие дела. Наконец, сойдясь на том, что толстосумы подумают над окончательным решением, разошлись.

Вика всем пожала руки на пороге и, как только за последним из гостей захлопнулась дверь, недовольно спросила у секретаря:

– Ну что там за пожар?

– Вот, – явно растерянная Лена протянула ей листок. – Я тут дословно записала.

Вика взглянула на бумажку и до боли закусила губу.

Там было только несколько слов: «Я подал на развод».

Когда она снова взглянула на Лену, глаза ее не выражали ничего, кроме обычной напряженной деловитости:

– Что-нибудь еще?

– Нет, – Лена нервно сглотнула, – это все.

– Отлично. Тогда пригласите ко мне главного бухгалтера и менеджера по Сардинии. В последнее время это направление хромает.

Она осеклась. Не в ее правилах было делиться с секретаршей деталями бизнеса. Что это она вдруг разоткровенничалась? Наверное, чтобы не разоткровенничаться о другом. Ладно. Секундная слабость. Осечка. Больше не повторится.

– Закажите во «Флоре» приличный букет для дамы средних лет и сообщите Виктору, что он сегодня задержится.

Виктор – это водитель. Кажется, вчера он спрашивал, сможет ли уйти вовремя. И, кажется, она даже обещала. Вроде у его дочери какой-то концерт то ли в музыкальной школе, то ли на танцах, то ли где-то еще. Неважно. Все равно Вика не помнит, чем там она занимается.

А сегодня вечером ей надо быть на юбилее у жены Поповского. Неохота, конечно. Но Поповский – гендиректор большого экскурсионного бюро. Без Поповского иностранцам должного приема не обеспечить, так что придется ехать и отсиживать там хотя бы первые три блюда. Хотя Витю и пожалеть можно, вызвать такси. Да нет! Какое, к черту, такси?! Совсем она с ума сошла?! Хотя в такси и поплакать можно. При Вите-то рыдать она точно не станет. А в такси станет? Из-за чего ей рыдать? Из-за этой глупой записки? Еще чего! Струна плакать не станет. Струна – бронепоезд, и шкура у нее не просто толстая, а непрошибаемая.

Вика крутанулась на шпильках и уже из кабинета велела секретарю:

– И позвоните в «Ла Винью». Скажите, что пирожные, как всегда, великолепны.

– Виктория Сергеевна! – изумленная Лена показала на пороге. – Все в порядке?

– Разумеется.

Ну вот. Второй промах за пять минут. Раньше она не рассыпалась в благодарностях перед всеми подряд, а тут просит позвонить в ресторан.

– Думаю сводить туда Ляльку на день рождения, навожу мосты.

Успокоенная Лена скрылась в приемной, а Вика подумала о том, что наводить мосты с дочерью было едва ли не так же поздно, как и с мужем.

3

– Как прошел день? – Жена открыла глаза и обняла прилегшего рядом Бориса.

– Как обычно, Манюнь. – Он клянул вздернутый нос, и тот удовлетворенно отвернулся, сонно запыхтев и подставив его губам коротко стриженный затылок.

Борис слегка поморщился. Ему нравились длинные волосы, но Маша решительно сказала: «Надоело, Борюнь», – и практически побрилась. Да нет, ей, в общем, очень даже шло. Крупные глаза теперь казались глазищами, а стройная, почти детская фигурка смотрелась особенно трогательно и незащищенно. Наверное, из-за того, что открылась тонюсенькая, цыплячья шея. В общем, все это тоже нравилось Борису в какой-то степени, но все-таки не в той, в которой нравились шикарные Машины каштановые волосы, ниспадавшие красивыми волнами до самых лопаток. Но это они по вечерам ниспадали, а до этого их приходилось стягивать под резиновой шапочкой, а на соревнованиях нещадно сдобривать желатином, чтобы, не дай бог, ни один выбившийся волосок не испортил команде удачного выступления. Развалившийся костюм или прическа понижают оценки во многих видах спорта. И синхронное плавание не исключение.

Конечно, Манюня устала. Особенно после того, как пробилась в сборную. Теперь соревнования чаще, а спрос строже. Тем более не навсегда же это все...

– Ты же понимаешь, – сказала она мужу, – это скоро закончится.

Борис был старше Манюни и опытнее, и он понимал, что «это» не закончится никогда. Волосы, конечно, отрастут, но синхронное плавание из жизни Манюни не исчезнет. Она была ненормальной, одержимой, буквально сумасшедшей во всем, что касалось работы. Впрочем, такой же, как и он. Они были прекрасной парой. Он не умел плавать, а она никогда не ела то великолепие, что он готовил.

– Ты – змей-искуситель! – Она втягивала носом божественный аромат и героически открывала очередную бутылку кефира.

А он... он выбрасывал шедевры в помойку. Есть одному было невкусно, и почему-то вспоминалось, как лет пятнадцать назад они с первой женой уминали на ужин утку в апельсиновом соусе и сковородку жареной картошки, а потом еще и закусывали это хулиганство домашним мороженым. И никто не думал о фигуре, а если и думал, то вслух не говорил. Вслух всегда были только похвалы и восторги:

– Быть тебе, Борька, шефом, помани мое слово!

Или:

– Умру за столом, но слопаю последний кусочек.

А вот любимое:

– За твою стряпню, Анохин, я бы продала душу.

Потом, уже перед самым разводом, он скажет, что «врать некрасиво, потому что душу она продала уже давно, и, видимо, отнюдь не любимому мужу». Но это не меняет сути. Первая жена не просто ценила, а умела разделить его страсть:

– Ты сюда что-то добавил новенькое, правда? – Она шумно втягивала воздух, а он смеялся, глядя на смешно вздрагивающие крылья ее изящного носика. – Нет, Борька, точно, тут что-то не так, как обычно, я же чувствую.

Она осторожно и сосредоточенно жевала:

– Гвоздика?

Он самодовольно мотал головой.

– Розмарин?

Он разводил руками.

– Я все равно угадаю. Миндаль?

– Вот и нет.

– Борька! – Она шутливо сжимала пальцами его шею, делая вид, что задушит: – Признавайся сейчас же, иначе...

– Пусти, сумасшедшая. Там просто куркума.

– Кур... что?

– Куркума.

– А что это?

– Это один из видов имбиря. В кулинарии используют ее высушенный корень. А еще она содержит куркумин, который обладает целебными свойствами: дезинфицирует, обезболивает, заживляет. Даже останавливает развитие некоторых видов рака. Диетологи, кстати, рекомендуют употреблять ее при похудении.

– Сомневаюсь, что в сочетании с бараниной и рисом, – тут же реагировала она, и они дружно смеялись.

Они вообще много смеялись...

С Манюней жизнь стала совсем другой: взрослой, ответственной и (в этом Борис боялся признаться даже себе) немного скучной. Сама Манюня иногда казалась скучной. Кроме своего плавания, она мало чем интересовалась. Ей никогда не пришло бы в голову пытаться угадать, какие специи использует муж в своих рецептах. А если он пытался рассказывать, она прерывала на полуслове:

– Борюнь, я все равно не запомню. Зачем мне это? Я не ем и не готовлю. Это твоя территория.

Даже странно. Ведь именно из-за этого он и развелся. Из-за того, что жена все время пыталась влезть на его территорию и установить там свои порядки. А Манюня ничего такого не делала, все давала на откуп. И это почему-то особенно раздражало. Борис невольно отодвинулся от жены. Она тут же почувствовала, снова прижалась к его плечу своим колючим затылком. Борис невольно поморщился и вздохнул. Наверное, слишком громко, потому что Манюня тут же встрепенулась и взглянула на него в темноте сонными глазами:

– Что-то не так?

– Все хорошо, спи!

– Точно?

– Точно. Слушай, Мань, а может, в субботу придешь ко мне в ресторан днем? Я сооружу что-нибудь диетическое...

– Борюнь, – теперь на Бориса недоуменно смотрели оба глаза. – В субботу я буду в Бухаресте. Там же Гран-при, забыл?

– Извини.

– В другой раз, ладно? – Манюня снова свернулась под боком колючим калачиком, а Борис еще долго лежал без сна, размышляя над тем, когда же наступит этот самый другой раз, и наступит ли когда-нибудь.

Виктория вернулась домой в десять вечера. Водителя она все-таки отпустила, решила, что жена Поповского не обидится, если какая-то там не слишком знакомая дама на ее юбилее ограничится глотком вина и уйдет, не отведав торта.

Вика чувствовала себя слишком усталой. Соблюла этикет – и достаточно. До того как зайти в подъезд, она еще долго сидела в машине, пытаясь угадать, что ждет ее там – за дверью квартиры: скандал, еще раз скандал или холодная тишина отчуждения?

Она не угадала. Уже на лестничной клетке был слышен голос Пинк, которую Вика в последнее время активно недолюбливала. Конечно, не за вокальные данные, а за то, что Лялька обрезала свои шикарные волосы и выкрасила оставшийся ежик в розовый цвет. Сегодня, однако, звучание Пинк даже обрадовало Вика. «Поет, – подумала она, – и танцует. Значит, ничего не знает». И тут же другая мысль: «А лучше бы знала. Теперь я должна ска-

зять. А как? Конечно, Сережа Ляльке не родной, но относился он к ней хорошо, внимания уделял немало. Во всяком случае, больше, чем Вика, уж это точно. Конечно, девчонка прикипела. В ссорах вон всегда на его сторону становилась. Сейчас, конечно, во всем случившемся будет винить мать. Ну что ж, значит, придется пережить еще и это».

Вика зашла в квартиру, сняла пальто и сапоги и прошла в комнату. Музыка, оказывается, была просто фоном. Лялька сидела в кресле и, ничего не замечая, смотрела в планшет. Она водила пальцем по экрану и что-то бурчала себе под нос.

– Привет.

Вика присела на подлокотник, неловко чмокнула дочь в затылок.

– Хай! – буркнула дочь, не прерывая игры.

– Интересно?

– Угу.

– Ляль...

– «Пять» по русскому, «четыре» по алгебре, по физике тройбан. Уроки сделала, к репетитору ходила, поела яичницу, – быстро проговорила девочка, не отрывая взгляда от экрана. – Что-нибудь еще?

– Да.

Зачем тянуть? Подбирать слова и смягчать удар Вика никогда не умела:

– Сережа ушел.

– А я знаю. – Лялькины пальчики ловко перемещались по картинке с какими-то монстрами. – Он и вещи уже вывез.

– Вот как?

– Ага. Еще вчера.

– Как вчера? – Кресло качнулось, и Вика чуть не упала. – Ты все знала еще вчера?

– Ну да.

Лялька наконец оторвалась от планшета и взглянула на мать с нескрываемым презрением:

– Он же тебе еще вчера целый день трезвонил. Слушал гудки и говорил: «Вот если, Ляль, твоя мать возьмет трубку, может, еще и не все потеряно». Но ты же всегда занята, тебе не до нас. Вот он звонил, звонил и ушел. И знаешь, что?

Девушка вскочила с кресла и теперь смотрела на мать свысока, воинственный розовый ежик возмущенно навис над Викой.

– Что? – Вика тоже встала и вызывающе вскинула голову. Никто не имел права демонстрировать ей свое превосходство. А уж собственный четырнадцатилетний ребенок – тем более.

– И правильно сделал, что ушел. Вот вчера я очень хотела, чтобы ты подошла к телефону. Он звонил, а я шептала, молилась просто: «Вика, возьми трубку. Вика, возьми трубку».

– Сколько можно звать меня Викой?!

Лялька отмахнулась от матери, как от чего-то совсем незначительного. Она включила полный привод и неслась вперед с неснижаемой скоростью:

– А вечером я посмотрела, как ты пришла, час просидела в ванной, потом выпила кефир и пошла в свою спальню. К нему даже не заглянула. Так зачем ему с тобой жить?

– Я же думала, что он спит!

Лялька скривилась, будто проглотила кислятину:

– Ты о нем вообще не думала! Ни о нем, ни обо мне!

Вика задохнулась от возмущения, лицо ее горело, будто ей надавали пощечин. Она зашипела на дочь:

– Скажи еще, что и к тебе я не подходила!

– Ко мне? Подходила. А как же? Все, как обычно: уроки, еда и «когда ты наконец пере-
красишься». Больше ведь тебя ни черта не волнует!

– Ты что себе позволяешь?! – Это Вика уже выкрикивала в громко захлопнутую доче-
рю дверь комнаты. Вика дернула ручку, но с тех пор как Ляльке позволили закрываться
на ключ, попасть к ней можно было только по предварительной договоренности. «Не хва-
тало еще мне слушать про убери, разложи и переставь», – говорила она, и Вика, в общем,
не возражала. Она считала, что в достаточной степени контролирует дочь, чтобы позволить
ей какой-то островок свободы. Тем более теперь, когда балом правил переходный возраст, а
гормоны зашкаливали и довели над разумом. Правда, сейчас следовало признать, что все
обвинения дочери не были так уж неразумны. Но Вика никогда не думала, что Ляльке чего-
то не хватает. Казалось, она была счастлива. Учится прилично, кушает хорошо, одета с иго-
лочки. А сколько раз Вика ее с собой за границу возила?! И там тоже все к ее услугам. Пока
мать на переговорах, дочь с няней – и на аттракционы, и на пляж, и в зоопарк, и в мага-
зин, и куда еще душа попросит. Конечно, иногда она просит мамочку, но Ляльке ведь уже
четырнадцать! Раньше Вика старалась освободиться на каникулах и хотя бы неделю посвя-
тить материнству, но в последние годы халтурила. Как-то предложила дочери вместо своей
компании подружину, и та так обрадовалась, что замена превратилась в постоянную вели-
чину. Вика искренне полагала, что Ляльку это более чем устраивает. Ведь устраивало же это
Викю: ребенок сыт, здоров и, кажется, счастлив – что еще надо? Тем более ребенок вполне
уже взрослый, способен увидеть и понять, что мать работает сутками и старается, между
прочим, ради нее!

Тут Вика, конечно, лукавила. Она просто делала в этой жизни то, что любила делать и
в чем разбиралась. Дочь она тоже любила, но мысли о настольных играх или чтении сказок
всегда навевали на нее тоску. А вот новые рабочие проекты, заманчивые идеи и творческие
планы заставляли глаза гореть, а сердце радостно биться. Вика, увы, не относилась к тому
типу людей, кто на вопрос о своих самых больших достижениях уверенно отвечает: «Мои
дети». Она, честно говоря, считала таких особей довольно странными. Конечно, услышать
это из уст матери Билла Гейтса, или Ильи Репина, или Константина Станиславского – это
одно, но, простите, слышать такое от неизвестной и малоуспешной личности – по меньшей
мере нелепо. В активе у взрослого человека могут быть отличные роли в кино и театре,
замечательные бизнес-проекты, чудесные благотворительные акции, а вот что получится из
его отпрыска, пока еще неясно. Посему Вика полагала, что возгордиться Лялькой, если та,
конечно, даст ей повод, она еще успеет, а пока ей, Вике, следует гордиться теми проектами,
которые ей уже удалось претворить в жизнь.

Она как-то не задумывалась над тем, что для того, чтобы проект стал успешным, она
вкладывает в него очень много сил не только физических, но и душевных. А вот с Ляль-
кой привыкла обходиться минимумом усилий и думала, что та всем довольна. А взбрыки,
выкрики, злые глаза и хамское поведение – издержки возраста. Пройдет. Во всяком случае, у
Ляльки как раз есть повод гордиться собственной матерью: всего добились сама, и доченьке
своей заранее гладенькую дорожку проложила. Захочет – станет экономистом, захочет – вра-
чом. Да кем захочет, тем и станет, в конце концов! У Вики денег хватит и на Оксфорд, и на
Гарвард, и даже на шоу-бизнес. Почему бы и нет? Может, Ляльке взбредет в голову перекра-
ситься, например, в голубой и назваться певицей Блю. Что ж, конкуренция с Пинк дочкиному
самолюбию пойдет только на пользу. Сомнения в том, что она проиграет битву, ее никогда не
посещали. Само их наличие она уже считала залогом проигрыша. А вот если идея захваты-
вала целиком и не оставляла места ненужным колебаниям, то успех был в кармане! Так что
с Лялькиным превращением в суперзвезду все могло получиться очень даже неплохо. Если,
конечно, удастся наладить отношения. Впрочем, над этим можно поработать уже сейчас.
Вика осторожно постучала в закрытую дверь и произнесла так ласково, как только умела:

– Лялечка, открой дверь, пожалуйста.

Ключ повернулся в замке так быстро, словно Лялька стояла у двери и ждала этих слов. Однако выражение ее лица – нахмуренное и обиженное – не обещало ничего хорошего. Как, впрочем, и голос, которым она произнесла:

– Ну?

– Что значит – «ну»?! – с ходу завелась Вика, но осеклась, подумав, что начинать примирение с очередной нотации – не самый лучший способ добиться желаемого. – Ляль, я понимаю, тебе тяжело и неприятно, но, наверное, ты права: наши отношения с Сережей...

– Мне нет никакого дела до ваших отношений, – фыркнула дочь, но прежняя воинственность исчезла из ее голоса.

– И все-таки ты должна понять, что в отношениях двоих не бывает так: что один кругом виноват, а другой полностью прав. Слышишь?

Лялька стояла, отвернувшись к окну, и вертела в руках наушники, словно раздумывала: послушать мать еще какое-то время или отключить ее более приятной музыкой?

– Ляль, это наше дело, и мне жаль, если тебе больно из-за этого расставания.

– Мне? А я тут при чем? Сережа ушел от тебя, а не от меня. Мы с ним, между прочим, завтра в театр идем, а послезавтра он меня в музей поведет, – она нацепила на лицо скучающее выражение, – будем образовываться импрессионистами.

Вика ощутила тревогу. Конечно, муж не был похож на педофила, да и относился к Ляльке всегда, как к собственной дочери. Да нет, если бы было что-то такое, то Вика определенно заметила бы. Да и Лялька наверняка рассказала бы. А вдруг нет? Современные дети – они такие странные. Не поймешь, что у них на уме. Или уже не дети?..

Вика испуганно смотрела на дочь: подросток, конечно, но уже вполне сформировавшийся. И бедра присутствуют, и грудь имеется. Губки пухлые, глаза с поволокой. Конечно, мужчины могут засматриваться. Пойди разбери: четырнадцать лет этой конфетке или все восемнадцать.

Но Сережа! Сережа! Да быть не может! Или все-таки может?..

– Кстати, он обещал познакомить меня со своей новой, – нарочито равнодушно бросила Лялька и вызывающе взглянула на мать. Вика усмехнулась:

– Это жестоко.

– Ничего. Ты же у нас сильная.

– А ты никогда не задумывалась над тем, что, возможно, мне надоело быть сильной...

– Что-то непохоже.

Вика вздохнула. Лялька снова была права.

Ей нравилось ощущение власти над обстоятельствами и людьми. Она любила решать и командовать, и мысль о том, что у мужа есть другая женщина, была ей неприятна в основном потому, что появилась она без ее, Викиного, на то благословения.

Лялька между тем продолжала:

– Если бы ты не хотела быть сильной, ты бы перестала еще тогда.

– Когда это «тогда»?

– Тогда, когда ушел папа.

Вика устало опустилась на стул. Для этого ей пришлось поднять плюшевого мишку и посадить его к себе на колени.

«Вообще-то это я от него ушла, хотя Ляльке это никак не втолкуешь».

– Дожила, – произнесла она вслух, – собственный ребенок в роли прокурора.

– А разве я не права? – Лялька спросила уже спокойно, без прежней нервозности. Видимо, мирный настрой матери заставил и ее перейти от военных действий к переговорам.

– Нет, Лялечка, ты не права.

На этом Вика остановилась, хотя не сказала главного. Не сказала: «Я должна была перестать гораздо раньше».

Дочь потеряла интерес к разговору. Она улеглась на кровать, вставила наушники и, прежде чем включить музыку, заявила:

– Короче, со мной все в порядке. Ваши отношения с Сережей – это ваши отношения. Из моей жизни он исчезать не собирается. Во всяком случае, пока. Посмотрим, конечно, что за мамзель он завтра с собой приведет. Я тебе расскажу, хорошо?

– Хорошо, – озадаченно кивнула Вика.

Похоже, она добилась своего. Лялька согласилась на потепление в отношениях и даже решила возложить на себя функции лучшей подруги собственной матери. За неимением таковых, можно было и позволить ей поиграть в эту игру. Если мир возможен только при выворачивании душ наизнанку, Вика готова чуть-чуть приоткрыть завесу. Но только немного, лишь на малую толику, а на душевный стриптиз пусть не рассчитывает ни Лялька, ни кто-либо другой. Все эти слезы, сопли, признания и женские разговоры о «чем-то важном» Вика терпеть не могла. Больно тебе, неприятно, обидно? Отряхнись и иди дальше. В обиде не застревай, соплей не жуй, и все будет хорошо!

Требовательной и жесткой Вика была не только к другим, но и к самой себе. И жесткость эта часто себя оправдывала. Да, она не позволяла расслабиться, но она и помогала не пасовать перед трудностями, не сгибаться перед обстоятельствами и не утопать в жалости к себе тогда, когда очень этого хотелось. Людей, пролеживающих часами на кушетках психоаналитиков, Вика считала, либо симулянтами, либо бездельниками, либо глупцами, не жалеющими собственных денег и времени. «Сам себе не поможешь – никто не поможет», – любила повторять она и всегда неукоснительно следовала этому девизу.

– В общем, – решила Лялька подвести итог своему выступлению, увидев, что мать еще не ушла, – в моей жизни все тип-топ, а вот тебе надо подумать, что теперь делать с твоей.

Девочка нажала кнопку плеера, и тут же принялась подпевать любимой песне. Она уже не слышала, как Вика вздохнула и ответила то ли ей, лежащей так близко, то ли кому-то неведомому, находящемуся очень далеко:

– Мне не привыкать.

Она вышла из Лялькиной комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь.

Время близилось к полуночи. Надо было бы вернуться и сказать дочери, что пора спать, но разбираться потом с очередным всплеском непослушания не хотелось. Уж лучше пусть она послушает свой «музон» пятнадцать минут и уснет. А Вика потом осторожно вытащит наушники...

Ну, не почистит Лялька один раз зубы, велика важность! Подумаешь, один раз!

Конечно, Вика кривила душой. «Раз» этот повторялся довольно часто. Особенно тогда, когда она возвращалась домой за полночь. В этом случае она гарантированно находила Ляльку спящей на кровати в джинсах и футболке. Естественно, нечесаную и немытую и с поющим где-то под пледом плеером.

– Помойся, – шепотом просила Вика.

– Ну, мам, – Лялька отзывалась сонным бормотанием и, перевернувшись на другой бок, продолжала спать.

– Как же ты можешь – не мыться?! – негодовала Вика по утрам.

– Могу, – равнодушно отвечала дочь, пожимая плечами.

А вот Вика не мыться не могла.

И сегодня, так же, как и всегда, она набрала ванну, залезла в теплую воду и вспомнила о том случае, который научил ее не только чистоплотности (к сожалению, только физической),

но и тому, что в жизни она должна полагаться только на себя, и только от ее собственного решения зависит – что с ней в конечном итоге случится дальше.

Вика прикрыла глаза и увидела маленькую шестнадцатилетнюю девочку, спящую в купе поезда, которую будит чей-то пьяный смех и грубые голоса.

– Вот это удача!

– Не журавль в небе, конечно, но цаца вполне подходящая.

– Не думал, не гадал он, никак не ожидал он...

А дальше – ржание и сильный толчок в бок.

Девочка открыла глаза. Над ней в скабрезной ухмылке склонился бородатый мужик. Несколько зубов у него были золотые, на месте двух верхних зияли дыры.

– Ну, привет, крошка, – произнес он сальным голосом и мазанул жирной ладонью по лицу девочки. Та резко села и, как ни в чем не бывало, ответила:

– Здрасьти! Со мной поедете?

– Само собой, – хохотнул мужик и плюхнулся на полку. Он приобнял девочку за плечо и тут же по-хозяйски ощупал ее всю – от шеи до копчика. – Костлява, конечно, но ничего лучше здесь не наблюдается, – сообщил он двум другим не менее «симпатичным» кадрам, которые осклабились на девочку с противоположной полки. Та выворачиваться не стала. Напротив, улыбнувшись, как можно дружелюбнее, сказала:

– Ну, давайте знакомиться, меня Вика зовут.

– Вика, Вика, ты моя клубника. – Исследующая ее рука переместилась на грудь, глаза соседа затуманились.

Девочка прижалась к нему и прошептала жеманно, пробуя отстраниться:

– Сейчас вернусь.

– Куда?! – Теперь ее держали обе грубые руки. Глаза мужика стали злыми.

Вика безмятежно улыбнулась:

– В туалет хочу. Вас же трое, вдруг захотите вместе, а не по очереди... Может случиться конфуз.

Мужики довольно захохотали.

– Иди.

Хватка ослабла.

Вика открыла дверь купе. В коридоре было пусто и тихо.

– Проводить? – поднялся за ней второй мужик ростом с фонарный столб и внешностью гориллы.

Вика кокетливо улыбнулась:

– Дорогу найду. И туда, – она сделала многообещающую паузу, – и обратно. Не скачайте, мальчики.

«Мальчики» купились и остались в купе. Вика на ватных ногах и с почти остановившимся от ужаса сердцем бросилась к проводнице, которая, к счастью, вышла к титану с водой.

– Ко мне пристают! Зовите милицию!

Проводница схватила ее за руку и втянула в свое купе:

– Вот говорила тебе: не будет добра от этой поездки, а ты не верила, хорохорилась все, а теперь что выходит?!

– Да ничего такого не выходит. Милицию позовите!

– Ну, позову, и чего? Они тебя еще и задержат.

– Да вы что такое говорите?!

– Говорю как есть. Я тебя предупреждала: сидела бы ты, девка, дома. Это ж не просто какие-то там пьянчуги, а рыбаки с траулера домой возвращаются.

– Ну и что?

- А то, что у них деньжищ немерено и они, где надо, подмазали.
Вика нервно сглотнула:
- Ну, не все же рыбаки и милиционеры такие.
- Не все, – философски согласилась проводница, – но тебе не повезло.
- А я кричать буду.
- Давай. В одном купе женщина с двумя малыми детьми, в другом две старушки. Как заорешь, так и помрут от испуга. А остальной вагон такие же, как твои соседи.
- Что, все вот такие уроды?!
- Проводница только вздохнула и взглянула на Вика с жалостью.
- Вот что я тебе скажу, девонька. Сейчас полустанок проезжать будем, я стоп-кран дерну – а ты беги что есть мочи. Станция немаленькая – найдутся добрые люди, помогут.
- А в поезде не помогут?
- Экая ты непонятливая! Говорю же тебе русским языком – у этих все схвачено. Будто не знаешь, какие теперь времена? Кругом одни бандюганы. И эти вон из артели известной, и «крыша» у них имеется, так что связываться никто не станет. Себе дороже.
- Значит, нет на свете честных людей?
- На свете, может, и найдутся, а вот в поезде я бы тебе проверять не советовала. Будешь ломаться – на тебя и пятнадцать сбежаться может.
- Вам, значит, тоже подмазали, – мрачно бросила Вика.
- Дура ты! – беззлобно откликнулась проводница. – На кой им это? Я им что-нить скажу, они начальнику поезда пожалуются – в момент с работы вылечу.
- Да что у вас за поезд такой?! – возмутилась девушка. – Одни преступники вокруг...
- Я же говорю тебе – время такое, – беззлобно откликнулась проводница. – И о чем только твоя мать думала?
- О том, кто вместо меня станет готовить, стирать и гладить, – мрачно сообщила Вика.
- Проводница сделала попытку погладить ее по щеке. Девушка отпрянула. Проводница, не заметив этого движения, возбужденно затараторила:
- Говорю тебе: иди вперед по поезду, через десять минут остановка будет – кран дернем, спрыгнешь, и все дела.
- Как это сойду? А вещи?
- Ну, что вещи? Придется без вещей как-нибудь, сама решай.
- Вика прикусила губу и закрыла глаза. Увидела себя в спортивном костюме и тапочках на перроне, без денег и документов и без малейшего представления о том, что делать дальше.
- А что дальше? – Вика открыла глаза.
- Ну, что дальше? – Проводница пожала плечами. – Пойдешь в ментовку, расскажешь все, как есть, выдадут тебе справку об утере паспорта и отправят восвояси.
- Домой, что ли?
- Ну а куда ж еще? Туда тебе и надо – от греха подальше. Глядишь, умнее станешь: не будешь соваться, куда не надо.
- Я не суюсь! – отчеканила Вика. – И мне в Москву надо.
- Проводница развела руками:
- Больше ничем помочь не могу.
- Ну почему же? Водка есть?
- Выпить хочешь? Это правильно, конечно. Пьяненькой легче через себя переступить, но только на трезвую голову все одно все вспомнишь.
- Так есть или нет?
- Есть, как не быть.
- Отлично. Рыбаки, значит, говорите? При деньгах? Ну, так я сейчас.

Вика бросилась обратно в купе. Стоило открыть дверь, как давешний ухажер сгреб ее в охапку и жадно задышал прямо в ухо:

– Долго ходишь, я уж заждался.

Вику затошнило, но, подавив приступ, она нацепила на лицо улыбку и выставила вперед локти, упершись мужику чуть выше пупка, спросила кокетливо:

– Еще чуток потерпишь? Глазки подмажу, чтобы краше казаться.

– Да нам и так сойдет.

Одной мерзкой лапой он больно потянул ее за волосы, другой сдавил девушке грудь.

– Вам сойдет, а мне нет. – Вика решила на грубость. – Много вы в бабах понимаете. Мы пока морду не нарисуем, себя и за людей не считаем.

– Да пусти ее, Витек. Пусть помажется, а то выглядит, как школьница какая-то недоделанная...

«А я и есть школьница», – чуть не вырвалось у Вики, но она все же сдержалась, решив, что подобное признание вряд ли остановит похотливых уродов.

Витек ослабил хватку, и Вика метнулась к своей сумке. Она рылась в ней, кокетливо приговаривая:

– Сейчас, сейчас, мальчики. Вот только найду свое барахло. Вот! – Она продемонстрировала объемную косметичку. – Я мигом.

Проводница встретила ее с литровой бутылкой в руках. Увидев косметичку, спросила:

– Документы свои сперла, деньги?

– Нет! – огрызнулась Вика. Слово «сперла» неприятно резануло слух. Она бы с удовольствием забрала свои вещи, они лежали в маленькой сумочке, припрятанной под подушкой, но наверняка эти твари уже обнаружили ее за время ее отсутствия. Так что взять сумочку она даже не попыталась, дабы не подорвать «доверия» преступников и не разозлить их. У Вики созрел план, и она была уверена, что он гораздо лучше идеи побега, даже с деньгами и документами.

– Бутылку давайте!

– На, бедолага. – Вике показалось, что проводница шмыгнула носом. – Пей.

Вика схватила бутылку, открыла одним движением и вылила половину содержимого прямо на пол.

– Ты что делаешь, сумасшедшая?! – Женщина дернулась, чтобы забрать водку, но Вика остановила ее решительным взглядом, пригвоздившим проводницу к месту.

Девушка поставила бутылку на стол, быстро открыла свою косметичку, вытащила оттуда пакет, наполненный целой кучей маленьких пакетиков с какими-то семенами и травами. Через секунду все они валялись на столе, а Вика лихорадочно перебирала свое богатство, пришептывая: «Валериана, пустырник, боярышник, мята».

– Э...э...э, – проводница схватила девушку за руку, – ты чего удумала? Травиться из-за этих козлов, что ли? Да глаза закрыла, пережила – помылась и пошла дальше. Зато живая и практически невредимая.

Вика молча стряхнула ее руку со своего запястья. Проводница схватила бутылку, прижала ее к себе:

– Не отдам!

Девушка подняла на нее тяжелый взгляд:

– Не отдашь – рвану стоп-кран и крикну этим, что это ты меня надоумила. Думаешь, они тебя по головке погладят?

Вика зло усмехнулась.

– Ох, девка! – Проводница осела на полку. – Что ж ты творишь-то?

– Себя спасаю, и тебя заодно.

Вика уже не церемонилась – беззастенчиво «тыкала» и не скрывала презрительного отношения к женщине.

– Меня? – удивилась та. – От чего?

– От угрызений совести. – Вика отобрала из груды четыре пакетика. – Чашку дай.

Проводница с готовностью протянула стакан. Вика всыпала в него трав из каждого пакета, потребовала:

– Кипятка!

Через десять секунд из стакана повалил пар. Не сбавляя оборотов, Вика приказала:

– Тушь!

Получив желаемое, повернулась к зеркалу и ловко накрутила ресницы, став с виду года на три постарше. Собственная косметика осталась в купе в другой косметичке. В этой же не было ничего, кроме домашней аптечки, собственноручно подобранной в полном соответствии со знаниями, полученными от бабушки. Бабушка была ведуньей и в теплое время года пропадала в лесу неделями, собирая травы, корни, цветы и листья. Маленькой Вике колдующая над настоями бабушка казалась доброй волшебницей, и ей хотелось хоть немного приблизиться к этому волшебству. Бабушка не возражала, даже поддерживала интерес внучки. «Должна же я кому-то передать свои знания», – говорила она. «Эта вон, – кивала на сноху, – меня блаженной считает, а без веры травы тебе служить не будут, так что ей эта наука неподвластна останется, ни к чему и время тратить. А вот из тебя, Викуля, пожалуй, толк выйдет». Бабушка водила маленькую девочку по лугам, лесам и полям, терпеливая крошка внимательно слушала все объяснения, и чувствовала постепенно нарастающий в себе трепет перед всемогуществом природы.

– Учись, девка, – говорила бабушка, заваривая очередной отвар, – учись, и травы тебя и отблагодарят, и помогут, и исцелят, и облагодетельствуют.

В бабушкиной правоте Вике уже не раз приходилось убеждаться. Неоднократно снимала она своими снадобьями жар у брата и сестры, заживляла им раны, синяки и ушибы, лечила скотину, и свою, и соседскую. А главное – на несколько лет продлила жизнь самой бабушке, когда та тяжело заболела. И сейчас, постукивая ложкой по стенкам стакана, Вика не забыла поблагодарить:

– Спасибо, бабулечка. Спасибо, травушка. И поможешь мне, и облагодетельствуешь.

– Что ты там шепчешь-то? – Проводница тоже склонилась над столом.

– Заклинание.

– Какое?

– Кто выпьет – у того хрен отсохнет.

– Да ты что? – охнула женщина, прижав ладони ко рту.

– Ничего. Выдаю желаемое за действительное.

Вика закончила приготовления и осторожно, так, чтобы сама трава осталась на дне стакана, влила настой в бутылку с оставшейся водкой. Взболтала желтоватую жидкость, скрылась:

– Теплая.

– Ну, так и топят тут не по-детски, – откликнулась проводница.

– А вдруг не станут пить? – засомневалась девушка. Ее боевой пыл на мгновение угас.

– Эти? Эти все что хошь выпьют.

– Надеюсь. Когда остановка следующая?

Проводница взглянула на простенький настольный будильник:

– Через сорок пять минут.

Вика сняла, ужас неизбежного заколол кончики пальцев, по коже побежали мурашки, но природная сила воли тут же взяла свое, пообещав стальным голосом: «Переживешь!»

– Ладно. – Вика отерла ладонью проступившую на лбу испарину. В вагоне действительно было жарко, но ее била холодная дрожь. – Пошла.

Проводница кивнула ей и перекрестила в спину.

Вика с трудом подавила желание броситься этой тетке в объятия и разреваться.

На ватных ногах она приближалась к своему купе. Девушка отсутствовала минут десять, но ей казалось, что прошла вечность. Сердце ее прыгало в бешеном ритме, зубы стучали, ледяные пальцы правой руки сжимали спасительную бутылку. Вика рванула дверь и, удивленно раскрыв глаза, закричала, показывая в окно свободной рукой:

– Ух ты!

Как по мановению волшебной палочки, три пьяных головы повернулись и уставились в стекло. Бутылка со снадобьем мгновенно перекочевала в Викину сумку.

– Чего орешь? На простачков напала? – Золотозубый рванул ее к себе на колени и ослабил в лицо перегаром.

– На снегирей. – Вика простодушно улыбнулась. – Там береза была – вся в снегирях! Красиво.

«Господи, что я несу? Сущий бред! Какие снегири летом?»

– Ишь, красоту она нашла. – Второй детина поднялся с полки и навис над ней. – Ща мы твоей красотой полюбуемся. – И одним движением он разорвал на девушке футболку.

Следующие полчаса Вика следовала совету проводницы: закрыла глаза и старалась ни о чем не думать. Вернее, она думала – думала о том, чтобы ее не порвали, не изуродовали и просто оставили в живых. Мужики, к ее счастью, хоть и оказались насильниками, но то ли по пьяному делу, то ли по жизни, в окончательных садистов и убийц пока не превратились.

Изощренными мучениями не занимались, залезали на нее, сменяя друг друга, щипали за грудь, шлепали по попе и, удовлетворив свою похоть, уступали место соседу. Потом золотозубый объявил:

– Ща отдохнем, и по второму заходу.

– И ребят позвать надо, – отозвался его дружбан. – Жалко, что ли?

«Все!» – Вика до боли сжала кулаки, приподнялась на полке, неловко прикрывшись простыней, произнесла елеинным голосом:

– Позовете, мальчики, только сначала выпить бы неплохо, за знакомство-то. – Она достала бутылку. – Только на ваших товарищей у меня не хватит. Маманька только одну бутылку сунула, жадина.

– Чевой это? – Золотозубый, которого два других называли Петькой, вырвал у Вики бутылку, открыл и понюхал.

– Самогонка. – Вика пожала плечами. – Не хотите – сама выпью.

– Чего ж не хотим? Скажешь тоже! – Петька сделал глоток, скривился, но, пересилив себя, выдул граммов двести. Выдохнул: – Хорошо!

– Делись давай!

– Не жадничай!

Бутылка перекочевала в следующие руки.

– Эй, мальчики, – обиженно протянула Вика, – вы так мне ничего не оставите.

– А тебе маманька еще пришлет, – отозвался последний собутыльник, выбрасывая пустую тару на пол. – Ну че? Следующий круг?

– А может, в картишки? – предложила Вика, вытаскивая колоду. – До Москвы еще больше суток пилить. Все успеем – и с вами, и с друзьями вашими.

– Дело говоришь! – хлопнул по столу Петька. – Сдавай! Во что играть-то будем?

– Козла забьем, – с вызовом ответила девушка и добавила себе под нос: – Козлов...

Еще через пятнадцать минут ее мучители храпели мертвецким сном. Вике понадобилось пять минут, чтобы собрать свои вещи и прихватить чужие: часы, блоки сигарет, и главное – деньги. Совесть ее ни капли не мучила: по счетам надо платить.

– Заработала, – сказала она, осторожно прикрывая за собой дверь в купе.

Уже через три минуты, даже не оглянувшись на уходящий поезд, она спрашивала у кассирши провинциального полустанка:

– Когда следующий до Москвы? Есть билеты?

Но тут же спохватилась, представив, что обманутые мужики могут озлобиться и ждать ее на следующей станции.

– А в обратную сторону?

Получив заветную бумажку, она задала следующий вопрос:

– А помыться у вас есть где?

– Разве что в больнице, – откликнулась кассирша.

В больнице Вика рассталась с первыми заработанными рублями, которые перекочевали в карманы доктора и медсестры. Врач осмотрел ее и обработал промежность, успокоив:

– Обычный половой акт, но о последствиях, сама понимаешь, пока говорить не надо.

– Может, и обойдется, – посочувствовала сестричка. Она выдала Вике полотенце, постельное белье, проводила в душ и протянула ключ, сказав: – Это от бокса на третьем этаже. Постели там себе и поспи до ужина. К шести в столовую приходи, поешь и пойдешь обратно на станцию, а там уж и до поезда недалеко. Ты сама-то откуда? Здесь каким ветром?

– В Москву еду.

– А чего ж обратно в Иркутск намылилась?

– Намылили, – усмехнулась Вика, и медсестра залилась густой краской понимания. Вика разрядила обстановку: – Ладно, чего там. Все к лучшему. С поездом не вышло, самолетом полечу. Еще и быстрее прибуду.

Она захлопнула за собой дверь душевой и не выходила целый час, смывая с себя мылом, слезами, ногтями весь ужас пережитого. Со временем наступит исцеление, тело излечится окончательно, но душа то и дело будет сталкиваться с рецидивами, а память – с воспоминаниями, которые станут заставлять Вику ежевечерне оттирать себя так, будто она – вернувшийся со смены шахтер...

Но тогда Вика еще ничего об этом не знала. Она помылась, наплакалась и, казалось, окончательно успокоилась. Девушка забралась в кровать, вытянулась на чистом белье и даже улыбнулась. У нее в сумке лежал билет на поезд и целая куча денег, о которых с утра она даже мечтать не могла.

– Все будет хорошо, – пообещала она себе и забылась крепким, совсем не тревожным сном.

4

С Манюней Борис познакомился (вернее, его познакомили) как раз тогда, когда он буквально болел идеей открытия своего ресторана. В одиночестве переживать лихорадку у него никак не получалось, он заражал друзей бесконечными разговорами об аренде помещения и оборудования, поисках сотрудников и оригинальных рецептов, о своей будущей Мишленовской звезде и в конце концов надоел им до такой степени, что они прозвали его ходячим вирусом высокой кухни и начали избегать. Поначалу Борис даже не заметил охлаждения в поведении знакомых – было не до того, его захватывали все новые и новые проблемы: переговоры с банком, составление меню, обсуждение интерьера с дизайнером и еще миллион дел перед предстоящим открытием.

Но с приближением даты открытия ресторана все тревожнее становились мысли о том, что, кроме «нужных людей», Борису практически некого позвать, чтобы отметить долгожданное событие. Кто-то из давних друзей его уже обидел, откровенно послав, кого-то обидел он. Одни его избегали, другие обещали перезвонить, но обещаний не выполняли, третьи открыто говорили о том, что, к сожалению, жизнь развела и общаться с человеком, который, кроме своего ресторана, ни о чем слышать не хочет, они не желают. Борис приказал себе внимания на «неоценивших и бросивших» не обращать, но иной раз все же накатывала тоска по тем временам, когда телефон раскалялся не от шаблонных приветствий («Борис Антоныч, приветствую, рад слышать»), а от озорного: «Боряк, старина, как жизнь?» Теперь такие слова звучали все реже, но тем дороже становились люди, их произносившие.

Одним из таких «всепрощающих и долготерпящих» его «помешательство» был однокашник Генка Родимцев по прозвищу Родненький. Пользуясь своей давней близостью с Борисом, Родненький безапелляционно заявил по телефону:

- В столовку твою приду, но только с условием.
- С каким еще условием? – Борис, сжав зубы, стерпел слово «столовка».
- Не один, сечешь?
- Ну, естественно, не один. Приходи с Иришкой.
- А вот и не с Иришкой.

Генка сделал эффектную паузу.

– Родненький, и ты туда же? – Борис с сожалением вздохнул. В последнее время среди друзей и знакомых наблюдалась печальная тенденция менять давних и довольно приятных жен и подруг на, конечно, более молодых, но гораздо более требовательных, заносчивых и отнюдь не покладистых барышень. Обменом этим грешили, как водится, мужчины обеспеченные и влиятельные, которые воспринимали его как лишний способ подчеркнуть свою значимость и мощный потенциал.

Борис, по большому счету, относился к этой тенденции равнодушно. Не было ему никакого дела до личной жизни других людей.

Но Генка «другим» не был. Он был Родненьким, а жена его – маленькая, веснушчатая Иришка, учившаяся когда-то в одном с Борисом техникуме, – Родненькой. К тому же Генка, хоть и был счастливым обладателем собственной малогабаритной трешки и очень приличной иномарки, до крутого бизнесмена недотягивал ни по количеству финансов, ни по образу жизни. Отдыхать Родненький предпочитал на даче у родителей или ходил в походы по горным рекам. Дайвингом не занимался, на горные лыжи не вставал, теннисом не увлекался. И каждую свободную минуту уделял жене и детям, а не переговорам в кабинетах и ресторанах. Иришку свою Родненький всегда просто обожал и ни в какой компании не стеснялся проявлять свои чувства.

«И почему люди так резко меняются?» – подумал Борис и тут же услышал в трубке кокетливый Генкин голос:

– А что, тебя одолевают такими предложениями?

– Какими? – не понял Борис.

– О знакомстве. Я собираюсь тебя кое с кем познакомить и приду на открытие не только с этой барышней под ручку, ну и по другую – с Ирккой, само собой.

– Еще чего не хватало! – фыркнул Борис.

Но почти сразу же после состоявшегося знакомства понял, что именно этого ему и не хватало. И оказывается, уже давно.

Давно не хватало той самой женщины, которая бы украсила быт и напомнила о том, что в мире существует не только работа. Борис поверил, что Манюня – и есть именно такая женщина. Тогда он еще не знал, что ей самой надо напоминать о существовании на свете каких-то других интересных вещей, помимо синхронного плавания.

Первые полгода прошли в конфетно-букетной романтике. На развитие отношений просто не хватало времени, потому что Манюня пропадала на сборах. Борис переживал разлуку спокойно, по-мужски. Тем более ресторан занимал практически все его время, и мысли о любимой женщине одолевали в основном по ночам. Тогда, не глядя на часы, он набирал Генкин номер и плакался другу о том, что погибает...

– Я знал, старик, что так и будет, – шептал в трубку Родненький, чтобы не разбудить домочадцев (Иришку, дочек-погодок, тещу, собаку и двух котов). – Ты будешь вариться в бульоне из своей неудовлетворенной страсти и пылающих чувств, а я стану наблюдать со стороны и прыскать в кулачок, радуясь твоему огромному счастью.

– Огромней не бывает.

– Да что ты ноешь? Любовь взаимна, сомневаться тут не приходится.

– С чего ты взял? – у Бориса замирало сердце.

– Она Ирке сама призналась.

– Странно как-то. Ирке призналась, а мне – нет.

– А ты ей признавался?

– Нет... пока.

– Ну, и чего ты хочешь? Девочка ведь совсем...

Манюня действительно была девочкой.

Девочкой чистой и неиспорченной во всех смыслах. Борису было и радостно, и страшно. Казалось, он взваливает на себя какую-то непосильную ответственность. Почему-то на ум постоянно приходила поговорка о том, что «не по Сеньке шапка». Только не было однозначного понимания, кто из них Сенька: он или все-таки Манюня.

Тогда, три года назад, перед свадьбой, ему казалось, что, конечно, он. Было совсем непонятно, за какие такие заслуги свалилось на него это счастье в виде доброго, нежного, хрупкого, влюбленного существа, смотрящего на мир через розовые очки и уверенного в том, что все и всегда будет просто замечательно оттого, что она – Манюня – этого хочет.

Конечно, уверенность эта в жене жила неспроста. Манюня никогда не получала ничего на блюдечке с золотой каемочкой. Она просто привыкла добиваться того, чего хочет. И стоило ей захотеть – она уже заранее знала, что рано или поздно получит желаемое. Так было в спорте – в упорном сражении за медали Манюня часто одерживала верх и не собиралась отступать даже в борьбе за олимпийское «золото». Так же было и в жизни. Только в жизни вожаемым трофеем стал Борис.

В спорте за одним соревнованием следовало другое, а в жизни после свадьбы наступило относительное затишье. Полученный кубок храпел под боком и не собирался уплывать к соперницам. Манюне стало нечего добиваться в жизни, и она снова переключила свое

внимание на спорт. Иногда, конечно, она вспоминала о роли заботливой жены и играла ее с видимым удовольствием. Случалось это в период Манюниного отпуска, который непременно выпадал на отсутствие сборов, соревнований и тренировок. Стоит ли говорить, что в синхронном плавании – весна и лето самая жаркая пора. И хотя Борису всегда хотелось в это время уехать из пыльной и душной Москвы, именно в августе из-за жены приходилось откладывать путешествие.

– Поедем со мной, – предложила Манюня в первый раз, и Борис с удовольствием согласился. Но вслед за радостью (две недели вместе!) очень быстро наступило разочарование. Жена жила отдельно, пропадала на важных тренировках, и видел ее Борис преимущественно с трибун.

Он грустил, но потом, увидев, как блестят глаза Манюни после очередной победы, решил, что игра стоит свеч. Если ей так нравится спорт, то и он постарается полюбить его. И он старался: вникал в интересы жены, буквально вгрызаясь в тему, о которой раньше не имел ни малейшего представления. Конечно, он никогда бы не смог освоить на практике даже простейших движений из тех, что выполняли синхронистки, но экзамен по теории уже через несколько недель смог бы сдать если не на «отлично», то на твердую четверку непременно. Он знал, чем «винт» отличается от «вращения», как выполнять «Каталину», «Эйфель» и «фламинго», и почему «угол вверх» одной ногой Манюне выполнить гораздо труднее, чем обеими. Он сам не заметил, как из любителя, а до знакомства с женой он даже любителем не был, превратился в настоящего знатока и ценителя. Теперь он научился воспринимать синхронное плавание не только как работу жены, но и как неотъемлемую часть их семейной жизни, а Манюнину борьбу за медали – их общую борьбу.

Борис научился терпению. Было это сложно, но выполнимо. Будучи знатоком, он реально смотрел на вещи: век синхронистки еще короче, чем балерины. Так что не за горами тот день, когда жена осядет дома и в квартире наконец зазвучат детские голоса.

Отсутствие детей самого Бориса пока не слишком огорчало, но его родители не молодели и не уставали намекать на то, что хотят понянчить внуков. Манюню эти разговоры раздражали, и Борис, дабы не усугублять ее раздражения, болезненную тему в разговорах с ней не затрагивал. К чему сейчас обсуждать невозможное?

Всею свое время.

Но время все не наступало. За чемпионатом следовал чемпионат, за соревнованиями – соревнования, за городом – город. Теперь вот Манюня ныряла в Бухаресте, и Борис был уверен в том, что вместе с очередным трофеем она привезет ему сообщение не о долгожданном отпуске, а об очередных сборах, на которые надо ехать уже через неделю. Он даже представлял будущий разговор:

– Борюнь, я знаю, мы говорили об отпуске, но тренер пока не готов отпустить.

– Куда на этот раз?

– Поедем в Италию. Там предлагают отличные условия.

– Какой город?

– Не знаю пока.

– А база? Комфортная? Ты ни в чем не будешь нуждаться?

– Да какая разница! Главное, программу натренировать к мировому чемпионату.

– Новая программа?

– Ага. Очень сложная. Там несколько «винтов», два «фламинго» с согнутой ногой, плюс музыка очень быстрая.

– Какая?

– Микс латины.

– Ничего себе!

– В том-то и дело! Чемпионат будет проходить в Барселоне...

– ...и поэтому решили подобрать аккомпанемент на испанском.

Тут Манюня счастливо засмеется, чмокнет мужа в тщательно выбритую щеку и скажет:

– Борюнька, милый, как же здорово ты все понимаешь!

И он, воодушевленный похвалой, размякнет, забудет обиду и тоже решит поделиться:

– Знаешь, я придумал новый десерт.

– Молодец, – тон у Манюни делается скупающим.

– И знаешь, как назвал?

– Ну?

– «Фламинго»! – скажет гордо Борис, рассчитывая на похвалу.

Жена, конечно, похвалит. Снова чмокнет в щеку, прошебечет: «Молодец», а потом непременно добавит: «Ну, ладно, давай спать». Или пойдет в душ, или включит телевизор, или уставится в книгу, или захочет ласки...

Вариантов много, но среди них точно отсутствует тот, в котором она станет донимать Бориса вопросами: «А что за десерт? Торт или пудинг? Или что-то свежее? А из чего сделано? Он розовый, да? А почему тогда «Фламинго»? А долго готовить? Морозить или запекать?»

Борис уже почти смирился с мыслью, что его профессиональная жизнь ни капли не волнует молоденькую жену. Возможно, он не придавал бы этому такого значения, если бы эта жизнь занимала только его голову, но кулинария прочно оккупировала его сердце и душу задолго до того, как туда проникла Манюня. Именно поэтому в последнее время грусть от разлуки с женой была не так остра. Даже прибавлялось чувство некоторого облегчения: какое-то время Борис мог быть свободен от безнадежного ожидания. И все-таки он никак не мог заставить себя не пытаться «разбудить» Манюню.

Вот и сегодня, услышав ее голос в телефонной трубке и посочувствовав жалобам о том, что «Бухарест, говорят, очень красивый город, но, ты же понимаешь, нам не дают ни минуты, чтобы его посмотреть. Обещают, если возьмем «золото», разрешат на денек задержаться. Ты же не будешь возражать?» Борис только коротко буркнул: «Нет». Не стал уточнять, по какому поводу он мог возражать: завоеванию «золота» или внеплановому осмотру румынской столицы. Манюня минут пятнадцать стрекотала в трубку, рассказывая о спортивном комплексе, тренировках, питании, соперницах и о каких-то женских разговорах с кем-то, с кем Борис даже не был знаком. Он слушал вполуха, одновременно колдуя над омлетом с помидорами и читая резюме поваров (надо было подобрать новенького для работы с рыбными блюдами).

– Борюнь! – Обиженный голос жены заставил его оторваться от строчки «большой опыт в приготовлении морепродуктов». Взгляд все же скользнул дальше, по разделу «место работы», выхватив оттуда знакомые названия достойных заведений «Морской островок» и «Сеть рыбака».

– Надо бы пообщаться, – вслух произнес Борис.

– Так мы это и делаем. – Манюня растерянно замолчала.

– Ой, прости... – Он чуть не сказал: «Это я не тебе». – Конечно, мы этим и занимаемся. Так что ты говорила?

Он выложил яичницу на тарелку и поднес ко рту горячий кусочек.

– Я спросила, как у тебя дела?

Кусок плюхнулся обратно в тарелку, обдав халат Бориса жирными брызгами. Борис закашлялся, в голове веселой змейкой заплесала мысль: «Неужели дождался?» Ответил осторожно:

– Нормально, – и добавил: – Но сегодня, знаешь ли, довольно тяжелый день.

– Почему? – «Да, это действительно прогресс».

– Будут две комиссии – санитарная и пожарная, но с ними, конечно, справимся, это не впервой. Но самое главное, что придет...

– Очередной важный гость, и у тебя поджилки трясутся, потому что ты не знаешь, понравятся ли ему твои блюда, и интерьер, и вообще. И бла, бла, бла... Все это я уже слышала. Всегда одно и то же. Гости такие бывают через день, и все, как один, приходят в полный восторг от твоей кухни. Все это мне уже знакомо и...

«И совершенно неинтересно...»

– ...и ты совершенно зря волнуешься, милый. Все будет хорошо. Ну, пока. Мне пора. Удачи тебе.

– Пока.

Борис положил трубку и выкинул яичницу в помойку. Завтракать расхотелось.

Конечно, Манюня не сказала прямо о том, что ей нет дела до переживаний мужа. Она даже изобразила попытку его успокоить и пожелала удачи. Но это не могло исправить ситуацию. Она не сделала главного: она не дослушала. А если бы дослушала, то узнала бы, что нет никакого важного гостя, а есть третья комиссия из экспертов, по решению которых ресторан Бориса может получить Мишленовскую звезду.

На самом деле об этом визите не должно быть известно заранее, но болтунов везде хватает, и, по счастливой случайности, Борису стало известно о предстоящем событии. Он неделю потратил на проверку каждого блюда в меню и на разговоры с персоналом о том, что каждого посетителя они должны кормить так, будто кормят королеву английскую. Он понимал, что и повара, и он сам (а он собирался сегодня собственноручно заняться десертами) готовы на двести процентов. И все же он практически не спал, страшно нервничал и очень нуждался в искреннем, а не проходном внимании и поддержке. Впрочем, он их получил уже через пять минут – от Генки. Как обычно без приветствия, Родненький закричал в трубку:

– Борька, не дрейфь, все будет офигенно! Ты их всех сразишь и получишь сразу три звездочки.

– Генка, так не бывает, чтобы сразу.

– Нет? Ладно, тогда одну, а потом уже и две другие. Ты же ас, а асы всегда со звездочками на погонах.

– Спасибо. Знать бы еще, как они выглядят, эти эксперты.

– Ну, друг, это ты уж губу раскатал сверх всякой меры! Скажи «спасибо» судьбе, что тебе весточку о визите принесла.

– Спасибо. Эта судьба постоянно мне что-то приносит.

– Я ей передам, – хохотнул Родненький в трубку и отсоединился.

Борис достал из шкафа самый лучший костюм, привередливо подобрал рубашку. Непривычно долго возился с галстуком, размышляя над тем, как же все-таки здорово иметь друзей.

Под «судьбой» они с Генкой подразумевали его жену Иришку, которая уже не в первый раз приносила Борису «подарки» со своей работы. Ира была единственной в их компании, так и не получившей высшего образования. Причем сознательно. Для профессии, которую она выбрала еще в далеком детстве, к ужасу папы-врача и мамы-учителя, этого не требовалось. Ирина стала парикмахером, причем со временем превратилась в отличного профессионала, которого старались переманить салоны, ибо за ней всегда перемещался столп благодарных клиентов. Ни приличный Генкин заработок, ни рождение детей не заставили ее отказаться от любимого дела. Конечно, она не брала работу на дом, но в салон выходила два через два непременно. Иришку любили не только потому, что она была великолепным мастером, но и за то, что в ней сразу же угадывался очень приятный человек. Она умела делать то, что хотел от нее клиент. Могла весело болтать, могла внимательно слушать, могла молчать без всякого напряжения, если человек в кресле витал в собственных мыслях. Но это случалось редко. Обычно ее живость и непосредственность располагали к общению, и люди делились с ней самой разной информацией. Так получилось, что несколько лет назад у нее

в кресле оказалась Манюня, и Ирочка решила, что «это точно Борькин вариант». Впрочем, в то время ни у кого не возникло сомнений в том, что она ошиблась. Только сердце Бориса признало Иришкину правоту. А к дальнейшему Ирочка уже отношения не имела, это уже совсем другая история...

А неделю назад Ирочка позвонила и возбужденным голосом прокричала о том, что у нее «есть для Борьки потрясающая новость». Такая новость, что он просто с ума сойдет! И вообще, он должен быть теперь ей не просто благодарен всю жизнь, как в случае со своей женитьбой, а непременно выразить эту благодарность в каком-то «ну очень хорошем эквиваленте».

– Коротко и внятно! – процитировал Борис героя известной кинокартины.

– Ну, я не настолько нескромная, чтобы оговаривать условия. Могу только намекнуть, что букетом тут не отделаешься.

Ирка продолжала болтать как ни в чем не бывало. На заднем фоне слышалось Генкино настойчивое: «Говори! Не тяни!»

– Я о самой новости, а не об эквиваленте, – подтвердил свое нетерпение Борис.

– Короче, – сжалась женщина, – сегодня у меня стриглась одна мадам, я ей сделала офигенную прическу в стиле рококо, но об этом тебе знать, конечно, не надо...

– Ирка! – крикнули одновременно Борис в трубку и Генка где-то далеко.

– ...так вот, она сказала, что вчера летела в самолете, возвращалась из Парижа, там сейчас такая великолепная погода, прямо хочется гулять и гулять. Не то что у нас. Такая слякоть, и дождь постоянно, вот я, например, вчера целый час детские комбинезоны отстирывала...

– Да Ирка же! – снова хором закричали мужчины.

Женщина захихикала. Конечно, она специально лила воду, чтобы вывести их из терпения. Она подогревала интерес, и такое ее поведение просто вопило о том, что новость будет действительно потрясающей.

– Рядом с ней в самолете, – продолжила Ирина, – сидел француз, а поскольку моя клиентка болтает по-французски и вообще она весьма общительна, то они разговорились. И он ей рассказал такое, такое...

– Какое?!

– Такое, что работает он скрытым кулинарным экспертом и является одним из тех, кто распоряжается присвоением Мишленовских звезд. И летит он в Москву, с другими такими же инкогнито, проверять несколько ресторанов.

– Ну и что? Мало ли в Москве ресторанов? – удивился Борис, но тут же все понял, и сердце у него екнуло.

Ирка держала эффектную паузу, Генка тоже помалкивал, но потом не выдержал, попросил жену: «Дожимай!» И она дожала:

– А самым интересным и многообещающим ему представляется визит в «Ла Винью», потому что этот ресторан ему рекомендовали многие знакомые. Так что, как только группа соберется, – она перешла на победный шепот, – а соберется она к семнадцатому числу, они приступят к дегустации. И еще он сказал, что две группы экспертов уже побывали в этом заведении и дали ему самую положительную оценку.

– Да ладно? – Борис уже понимал, что это правда, но не мог поверить своей удаче. Конечно, он знал, что ресторан его хорош. Конечно, понимал, что он – отменный повар и команда у него замечательная, но если он и мечтал о «Мишлене», то только в самых смелых и самых тайных своих мечтах.

– Быть того не может, – все-таки сказал он вслух.

– Еще как может! – весело рассмеялась Ирка. – Готовься к приему, Джейми!¹

– Значит, как только явится француз, быть на стреме.

– Не так все просто. Клиентка сказала, что он прекрасно говорит по-русски и внешность у него, к сожалению, ничем не примечательна. Ни тебе шрама через все лицо, ни горба, ни родинки на носу...

– Может, он хотя бы хромает? – не удержался от иронии Борис.

– Ой, вот этого она не сказала. Они же сидели.

Иришка засмеялась и добавила:

– Ладно, не дрейфь. Даже если бы не эта случайность, твоя звезда, Борька, тебя бы нашла.

– Спасибо.

– А, не за что. Ладно, не дергайся, все будет хорошо. Пойду, а то твой дружок уже страшные рожи корчит. Не может и десяти минут один с охломонами побыть.

Ирка отключилась, а Борис, простояв несколько секунд в полном оцепенении, немного отошел и закричал на всю квартиру:

– Машка!

– Чего ты? – Жена с недовольным видом высунулась из ванной. Она не любила панибратства даже во внутрисемейных отношениях. Вот Манюня – это другое дело. А «Машка»: «Ну что это такое? Кошка какая-то...»

– Слушай, Ирка звонила, такое сказала... – Борис даже стал похожим на Иришку: интригующий голос, таинственный вид.

– Борь, – так Манюня обращалась к мужу, будучи в крайней степени нервного напряжения, – ну что такого могла сказать Ира? Я, между прочим, собираюсь. Рискую забыть что-нибудь важное, а тут ты со своим криком!

Жена закрыла дверь, из-за которой тут же послышались хлопки ящиков – Манюня собирала косметику.

– Черт! – послышалось через несколько секунд ее отчаянное восклицание. – Я так и знала!

Забывший обиду Борис тут же заглянул в ванную:

– Что стряслось?

– Желатина мало.

– Давай схожу куплю.

– Сходишь? – Манюня игриво сморщила нос, обвила шею мужа тонкими руками, шепнула в ухо:

– Борюня, ты золото!

И Борюня отправился за желатином, которым синхронистки обрабатывают волосы, чтобы прическа в воде выглядела идеально гладкой. Когда он вернулся, чемодан был уже собран, а осознавшая свою резкость Манюня пребывала в благодушном состоянии духа.

– Так что такого интересного сообщила Ирина? – поинтересовалась она, сунув желатин в косметичку.

– Она...

– Только рассказывай быстрее, а то мне на самолет в пять утра вставать.

Борис мысленно выругался, потом так же про себя тяжело вздохнул, снова выругался и произнес очень спокойным тоном:

– Знаешь, ты лучше поспи. Я потом как-нибудь расскажу.

– Как это – спать? А любовь?

– Я что-то устал, Манюнь.

¹ Намек на известного британского повара Джейми Оливера.

– Как хочешь. – Жена обиженно надула губки и предупредила: – Я уезжаю на две недели.

– Я помню.

Борис лег в кровать и отвернулся от жены.

Утром Манюня уехала, а Бориса подхватил вихрь подготовки к визиту важных гостей. Было не до раздумий об отсутствии душевной близости с женой. Если такие мысли все-таки мелькали, он отгонял их, объясняя все Манюниным возрастом. Он даже решил, что слишком многого от нее хочет и зря выражает недовольство. Разве они плохо живут? Да замечательно! Не собачатся, ладят прекрасно. И телик смотрят, и в кино ходят, и даже в театры, случается. Да и с сексом, за исключением последнего раза, у них все в порядке. Еще бы – посмотрел бы Борис на того мужчину, который в его возрасте отказался бы лечь в постель с такой девушкой, как Маня. Нет, в физическом плане жена его привлекала так же сильно. И что на него нашло в прошлый раз, в самом-то деле?! Человек готовится к чемпионату, а он лезет со своими проблемами. Потом, значит, потом...

Но времени для «потом» у Манюни все не находилось.

Не нашлось и сегодня. И Борис впервые за три года брака наконец ясно ответил себе на вопрос, как чувствует себя в семейной жизни со своей женой.

Он чувствовал себя бесконечно одиноким.

Борис надел элегантное пальто, брызнул на шею любимый парфюм от Кристиана Диора и отправился навстречу своей звезде.

5

Вика приехала в офис в паршивом настроении. Причин для этого было достаточно. Во-первых, Сергей всю неделю упорно не желал выходить на связь, словно специально заставлял жену чувствовать то, что чувствовал он, когда она не отвечала на его звонки. Хотя если бы знал, зачем она звонит, то наверняка ответил бы. Вика могла бы отправить сообщение, но этот способ связи она всегда терпеть не могла. В конце концов она не выдержала, позвонила с Лялькиного мобильного и с ходу сообщила:

– Я звонила только для того, чтобы сказать, что квартира куплена во время брака и ты имеешь полное право...

– Мне ничего от тебя не надо, – ответил муж и отсоединился.

Это было и благородно, и одновременно почему-то очень унижительно.

Вика теперь не имела ни малейшего повода к нему придаться или оправдать его уход хоть какой-то долей меркантильности. Разговор случился вчерашним вечером, и после него Вика два часа просидела в ванне, пытаясь заплакать, но глаза оставались сухими, а мысли злыми. «Не нравятся ему, видите ли, самодостаточные женщины! Ему подавай серую мышь, которая смотрит в рот и лебезит, и в глаза заглядывает, и говорит с придыханием: «Конечно, дорогой. Как скажешь, милый». Тьфу, противно даже». И хотя она понятия не имела, как выглядит новая избранница мужа (она запретила дочери об этом рассказывать, хоть ее и распирало от любопытства), ей было приятно считать эту неизвестную девушку особой малоприметной и не выдерживающей никакого сравнения с ней – Викторией Струновой.

В общем-то у Вики были все основания утешать себя подобным образом. К сорока годам она могла дать фору любой двадцатипятилетней красотке. А если к ухоженному лицу и стройной фигуре прилагается еще и острый ум, и чувство юмора – то что еще мужчине надо, непонятно! Если слепое обожание и пренебрежение ради него важными рабочими моментами, то ей с таким мужчиной не по пути. Так что, по большому счету, Сергей принял правильное решение. И спасибо ему за это. Но Вика тут же одергивала сама себя: «Вот еще! Благодарить его, что ли? Этого еще не хватало! Может, еще и ножкой шаркнуть? Сволочь он! Вот и все! Она, между прочим, ему не изменяла, шашней на стороне не заводила, так что сомнений в том, кто виноват в очередном ее семейном крахе, быть не может...»

В полном соответствии с мыслями о прошлых неудавшихся попытках создать семью, утром на пороге нарисовался Лялькин папаша и стал второй причиной отвратительного Викиного настроения. Всегда неприятно смотреть на то, как человек, когда-то бывший на коне и считавший себя баловнем судьбы, унижается, клянчит и к тому же врет. А Лаврик, лет десять назад именовавшийся исключительно Лавром Петровичем, именно так себя и вел на нескольких последних встречах, потому и был переименован в Лаврика. Причем встречался он именно с Викой, предварительно выжидая, когда Лялька уйдет из дома. Естественно, он не хотел показываться дочери в таком виде! И вот за это Вика была ему даже благодарна. Уж лучше пусть считает, что папочка очень сильно занят, чем видит перед собой практически бомжа. Звонит по телефону, врет, что живет во Флориде, обещает свозить в Диснейленд – и нормально. Лялька, конечно, мечтает о поездке, но в данном случае лучше мечтать, чем видеть правду. А в Диснейленд ее и Вика отправить может. А там – «Ах, какая жалость!» – у папочки как раз случится внеплановая командировка, аккурат во время дочкиного визита. Он же у нас крупный банкир, финансовый воротила, дела, дела. Отложить нельзя. Лялька к этому привыкшая. У нее и мама такая же. Это она переживет. А переживет ли бомжа – еще неизвестно. Она с ним по скайпу общается – на заднем фоне меняются картинки: Лаврик то океан за собой повесит, то камин, то дешевую репродукцию Ван Гога («Гляди, доча, что я вчера на «Сотбисе» отхватил! Тебе в наследство достанется»). Вот такая вот красивая сказка.

Конечно, в будущем, и даже, наверное, в ближайшем, придется открыть Ляльке правду, но только не сейчас, не в этом сумасшедшем пубертате! Ходит себе человек в школу, не догадывается ни о чем, вот и прекрасно...

Стоило сегодня Ляльке отправиться за знаниями, Лаврик не заставил себя ждать. С порога предъявил Вике просящий взгляд и жалостливую улыбку. Она к долгим разговорам расположена не была. Пустила бывшего мужа на коврик в коридоре и гаркнула:

– Только не трогай ничего! Денег дать?

– Викусь, поверь, я...

Она только рукой махнула, полезла за кошельком.

В такие моменты ей всегда вспоминалась сцена из культового фильма «Москва слезам не верит», где бывший муж кланчит деньги у героини Ирины Муравьевой. Сама Вика признавала себя похожей на этот персонаж. Она тоже хотела всего и сразу, и использовала любую возможность, чтобы добиться желаемого. Лаврик был одной из таких возможностей, и она им беззастенчиво воспользовалась. Хотя, надо отдать ему должное, он тоже получил от нее все, что хотел, и даже больше (Ляльку, например). А что у них не сложилось – Вика тут ни при чем. Да и к последующему краху его многочисленных бизнесов она никакого отношения не имела, так что могла бы и не давать ему денег, а послать куда подальше. Но все-таки, в отличие от Людмилы из фильма, она работала не в химчистке, и рубли у нее были не последние. И каждый раз почему-то думалось: «Вот не дам, а он пойдет и повесится». Поэтому и давала без лишних вопросов, и очень быстро, чтобы он, не дай бог, не стал задерживаться и унижаться еще больше и рассказывать о том, как дошел до такой жизни. А главное – не начинал бы делиться новыми потрясающими идеями о создании очередного беспроектного проекта.

Лаврик относился к породе не слишком умных авантюристов, которым один раз в жизни крупно повезло, но удержать это везение ума и хитрости не хватило. Двадцать лет назад Лаврик был обладателем огромного состояния, в лихие девяностые многие обогащались с такой же огромной скоростью, с какой другие оставались ни с чем. У Лаврика был парк дорогих иномарок, пятикомнатная квартира в центре Москвы и огромная вилла в Италии. На эту самую виллу (от греха подальше) он и отправил Вику, беременную Лялькой. Вика ничего не имела против такого решения, ни секунды не сомневаясь в том, что мера эта временная. Ребенок родится в хорошем климате, подрастет, окрепнет и вернется с мамочкой к папе под крылышко. О том, чтобы похоронить себя в райском уголке, Вика и не помышляла. Ей нужна была деятельность, и знание языка тогда ей очень помогло.

Сначала о работе она и не думала. Маленькая Лялька даже при наличии няни занимала все свободное время и мысли. Но постепенно Вика вынырнула из тумана, который часто накрывает женщину после родов, и обнаружила, что детская ее ребенка оформлена в совершенно ужасном стиле: рюши и бантики были не только на занавесках и постельном белье, но и на мебели, и даже на стенах.

– Это отвратительно! – безапелляционно заявила Вика нагрянувшему на выходные мужу. – Кого мы здесь, – она отодрала один из бантов от стены, – вырастим?

– Принцессу! – Лавр соорудил козу лежащему в люльке младенцу.

– Ну уж нет! Я собираюсь вырастить человека, а не капризную неврастеничку, считающую, что весь мир ей обязан.

– Бантики этому очень мешают? – изумился Лавр.

– Вот именно. – Вика энергично кивнула и добавила тоном, не терпящим возражений: – Я хочу тут все переделать.

– Делай все, что хочешь, – ответил Лавр, не подозревая, что своими словами выдал жене карт-бланш на переделку не только детской, но и всего дома. Все, значит, все, и какие тут могут быть недоразумения?

Вика развернулась не на шутку. Она не была похожа на других русских, наводнивших средиземноморские берега в начале девяностых. Она не отдавала все на откуп дизайнеру и не просила в магазинах продать ей самое шикарное и дорогое, а когда с ней пытались поступать именно таким образом, обрубала подобные начинания на своем великолепном итальянском. Вика знала, чего она хочет, и для достижения цели не жалела ни сил, ни времени. Она часами рассматривала каталоги, неделями просила салоны просчитать разные варианты оформления и могла отказаться от любого из них лишь из-за того, что понравившаяся и уже приобретенная ваза «не смотрелась бы в будущем интерьере». В конце концов в курортной зоне не осталось ни одного салона, ни одного мебельного магазина, ни одной дизайн-студии, где не знали бы Вику и не пытались бы заманить ее к себе. Она была из тех дотошных покупателей, которые одновременно вызывают и очень сильное раздражение, и восхищение – и объемом своих знаний, и решимостью, и умением вести дела, и абсолютным пониманием того, что же она хочет получить в конечном итоге. Вика остановила свой выбор на двух мебельных салонах, одной студии света и маленькой частной лавочке по пошиву штор. В каждый из магазинов она принесла одинаковые, выполненные в цвете рисунки комнат дома, объявив, что желает получить только такой результат.

– Это по цвету, – дополнила она более чем выразительные эскизы. – А с фактурой будем разбираться. Что вы можете мне предложить?

– Синьора прекрасно рисует! – неизменно восхищались итальянцы ее дизайн-проектом.

Вика только улыбалась в ответ. Рисовала она действительно очень неплохо, просто делала это редко, да и повода воспользоваться своим навыком не находила. А тут появились и возможность, и необходимость. Однажды (в той самой частной лавочке штор) у нее даже поинтересовались, не художница ли она. Наверное, она могла бы ею стать, если бы природный талант, открытый бабушкиным другом, тоже травником, а к тому же неплохим пейзажистом – дедом Афанасием, получил бы свое развитие. Но без соответствующей огранки из алмаза редко когда может получиться настоящий бриллиант. Вот и Вика, никогда в жизни рисованию не учившаяся (за исключением пары уроков по перспективе и геометрии, полученных от того же Афанасия), способности свои в области живописи оценивала как весьма средние. Если человек способен в правильных пропорциях изобразить чертеж помещения и грамотно разместить на нем стол, стулья и технику – это еще не значит, что он художник. И если он обладает вкусом, который импонирует многим другим людям, то совсем необязательно записывать его в стилисты, или в модельеры, или в дизайнеры.

Так считала сама Вика.

Но окружавшие ее итальянцы, превратившиеся за время обустройства дома из поставщиков в хороших знакомых, явно считали по-другому. Побывав на новоселье, все как один выразили свое безграничное восхищение, но дальше других пошел все тот же хозяин небольшого портьерного ателье, попросивший Вику помочь в оформлении своей новой квартиры.

– Да ну что вы, Роберто?! – она даже засмеялась. – Если хотите, могу давать вам уроки русского. Можем даже собрать группу. Но дизайн... Я же не имею к этому никакого отношения. Я просто любитель.

– И прекрасно! – Экспрессивный итальянец схватил ее за руки, и Вика перехватила недовольный взгляд мужа, который приехал на праздник и был совершенно поражен увиденным. – В отличие от профессионалов у вас свежий, незашоренный взгляд. Это сразу же чувствуется в вашем доме. И я, я... Черт возьми, Виктория, я хочу такой же!

– Чего он хочет? – Подошедший Лавр испепелял итальянца взглядом.

– Он хочет, чтобы я оформила ему квартиру.

– И, наверное, заняла центральное место в оформленной спальне?

– Прекрати! Какие глупости! Вон у камина в синем платье его жена, а у бассейна играют две их дочери.

– Кому это когда мешало? Я тебя умоляю!

– Не суди по себе! – вспыхнула Вика, которая ни секунды не сомневалась в том, что Лавр в ее отсутствие ведет в Москве отнюдь не пуританский образ жизни. Нет, никаких прямых доказательств не было. Но домой он приходил поздно, а иногда и не приходил вовсе. Порой снимал трубку и разговаривал сухим, деловым тоном, позже извиняясь и отговариваясь каким-то деловым совещанием. А стоило ему приехать в Италию, как телефон начинал раскаляться от звонков, на которые он отвечал неохотно и всегда говорил, что занят и перезвонит позже. Отсоединившись, он тут же собирался на пробежку или на пляж, хотя до этого не дружил ни со спортом, ни с загаром. Вику, конечно, беспокоили небеспочвенные подозрения, но она не относилась к тем женщинам, которые в случившейся измене склонны винить исключительно мужей. Она смотрела на вещи трезво – уехала за тридцать земель от молодого мужа и ждала лебединой верности? Дура. Конечно, слово «уехала» можно было заменить и другим. «Спровадили» – подошло бы гораздо больше. Лавр вернуться не звал и даже начал обсуждать возможный Викин переезд из Италии в Англию, дабы Лялька получала хорошее образование. Вика ничего против качественного образования не имела, но переезжать в Англию не собиралась. Впрочем, с мужем она своих взглядов не обсуждала. Всему свое время. Он там, в Москве, занимался своими делами, а у нее были свои – и в огромном количестве.

После квартиры Роберто последовали квартиры и даже дома его друзей, потом пара магазинов попросили оформить витрины, и, наконец, хозяин нового небольшого отеля заказал Вике интерьер лобби-бара. В конце концов ее график оказался расписанным на год вперед, а собственный банковский счет – таким внушительным, что она даже растерялась от столь непривычной суммы денег, которой владела единолично. Вика наняла адвоката и объявила, что хочет: во-первых, развестись, а во-вторых, научиться распоряжаться деньгами. Через несколько месяцев она стала одновременно и свободной женщиной, и владелицей части акций одной из популярных курортных гостиниц. На причитающуюся от развода сумму (тут Лавр поступил благородно: доходов своих не спрятал и честно поделился всем, что нажил за годы брака) Вика приобрела акции еще нескольких отелей.

– Все, – объявил адвокат. – Теперь вы можете расслабиться и до конца жизни ничего не делать.

Наверное, если бы тогда она прислушалась к этим словам, то сегодня ее состояние было бы гораздо больше. Но Вика всегда любила рисковать, а потому падения в ее карьере были неизбежны. Да, она потеряла в деньгах, но ее профессиональную жизнь никак нельзя было назвать скучной. Вика и тогда выложила адвокату то, что думала:

– Да? Ничего не делать? В таком случае я очень скоро умру.

– Любите работать? – понимающе улыбнулся итальянец.

– Не люблю сидеть без дела.

– Тогда приобретите себе целиком отельчик и управ– ляйте им. Дело, конечно, рискованное, но интересное.

– Нет, рисовать без образования еще хоть как-то можно, а вот управлять.... Это не по мне. Я не ленинская кухарка.

– Что, простите? – Адвокат не был знаком с творчеством вождя мирового пролетариата и Викиной иронии не оценил.

– Ничего, это я о своем. Так вот, управлять отелем я не возьмусь, просто считать дивиденды тоже неинтересно.

– В таком случае стройте, – посоветовал адвокат.

– Строить? – Вику смелость подобного предложения и удивила, и обрадовала. И все же она ответила: – Но я не умею.

– Учись. – Адвокат, видимо, решил, что удачно пошутил с этой чокнутой русской, которая просто с жиру бесится: не желает довольствоваться солидным состоянием, а жаждет какой-то, непонятной настоящему итальянскому жителю небольшого курортного городка, бурной деятельности.

Жизнь в таких местах должна быть очень неспешной и излучать спокойствие, радушие и невозмутимость в любых обстоятельствах. Солнце светит, птички поют, и решение любой проблемы вполне может подождать – и до завтра, и до следующего месяца.

Но Вика ждать не собиралась, как и не собиралась иметь дело с местными умельцами. Ей вполне хватило этого общения во время обустройства дома, когда ни один заказ не пришел в срок, а на любое ее праведное возмущение итальянцы реагировали снисходительной улыбкой и кодовым словом:

– Завтра.

Завтра произносилось то же самое. Приходилось просто смириться и ждать, когда же это благословенное завтра наступит на самом деле. Вика в таких условиях сотрудничать и строить ничего не собиралась. Она прекрасно помнила, как удивляли и восхищали итальянских клиентов ее обязательность и пунктуальность, так что приоритеты в бизнесе она определила раз и навсегда. Итальянцы – милые люди, но в качестве партнеров хороши они исключительно в роли покупателей. Так что продавать она им будет, а строить предпочтет с кем-нибудь другим. С кем? На этот вопрос ответ был однозначен. Искать надо там, где есть деньги. А денег в конце девяностых хватало у российских олигархов. Как заставить их раскошелиться? Путей, возможно, было много. Но Вика не собиралась никого разводить – ни на деньги, ни на красивые глаза. А посему выбрала единственный оставшийся способ: учиться. Этому решению способствовал и Лялькин возраст. Ей исполнилось шесть, до школы оставался год, и надо было использовать это время для того, чтобы убрать итальянский акцент из ее речи и найти в московской столице приличную школу.

Вика нашла для Ляльки великолепную гимназию с двумя языками с первого класса. Первый – английский, второй, разумеется, итальянский (не пропадать же добру). А для себя – архитектурный институт (конечно, платное отделение, но она могла себе это позволить).

Она сделала хороший выбор и для себя, и для дочери. Хорошим ли он стал для их отношений – другой вопрос, но образование оказалось полезным и той, и другой.

Полезным оказался и развод. Вика любила свою независимость, деятельность и умение зарабатывать деньги. Всего этого пришлось бы лишиться, оставшись с Лавром. Лялька тоже не сильно страдала от того, что родители разошлись. Она с раннего детства привыкла редко видеть отца и не ждать от него душевного участия в своем воспитании. Но мужского внимания ей, конечно, не хватало. Потому она и тянулась к последующим Викиным ухажерам, а уж к последнему мужу, Сергею, – и подавно.

Но сделанного не воротишь. Вика привыкла выигрывать от разводов. Выигрывали ли мужья? Скорее всего, нет. Во всяком случае, ей хотелось так думать. А в случае с Лавром – даже и сомневаться не приходилось. Человек, превратившийся в Лаврика, ничего не мог дать, кроме ценного опыта, который и применить-то некуда. Разве что открыть организацию по бесплатным советам таким же, как он, не жениться на хищницах и охотницах за состоянием и не пускаться в сомнительные авантюры. А их в жизни Лаврика было немало. Распрощавшись с банковским бизнесом, он пробовал себя и в недвижимости, и в игорных делах, и в транспортировке грузов, но каждое новое дело приводило к потере очередного куска состояния и следующему за этим очередному разводу, а вместе с разводом наступало и новое прощание с квартирой, машиной и деньгами в банке. Конечно, все произошло не в один день. Но теперь Лаврик влачил жалкое состояние, наводнял воздух дурацкими иде-

ями о суперуспешных интернет-магазинах, новых таблетках для похудения или гаджетах, откликающихся на зов хозяина.

Лаврик являл собой жалкое зрелище. Только жалела его одна Вика.

То ли потому, что их связывала Лялька (с другими супружницами он детей не нажил), то ли потому, что Вика оказалась лучше других. Во всяком случае, она никогда не забывала о том, что, не случись в ее жизни Лаврика с его итальянской виллой, не случилось бы и всего остального. Но тем не менее каждая встреча с ним портила ей настроение. Лаврик был живым доказательством того, насколько непостоянна удача и изменчив успех.

Сегодня эти мысли одолевали Вику особенно сильно и служили третьей причиной для безудержного расстройств. Прошла целая неделя после последних переговоров, а потенциальные инвесторы все еще тянули время и не спешили с окончательным решением. И чем больше времени проходило, тем большей становилась вероятность того, что решение это окажется отрицательным. И это расстраивало Вику гораздо больше предстоящего развода и судьбы бедного Лаврика. Возможность потерять этот проект ее угнетала, выбивала из колеи и не давала заниматься никакими другими текущими делами. А их было предостаточно.

Стоило Вике войти в приемную, Лена поприветствовала ее потоком информации:

– Доброе утро, Виктория Сергеевна. Через час придет Бадалян, потом – Степченко просится в отпуск за свой счет... Звонили итальянцы, на сицилийском объекте какие-то недоразумения... В час вас ждут в мэрии. Можно мне в обед сходить в парикмахерскую?

Вика ответила такой же скороговоркой:

– Бадаляна приводи, как придет. Сейчас пригласи Степченко. – Она взглянула в протянутое ей секретарем заявление. – Что еще за семейные обстоятельства посреди года? Почему ты в который раз, вместо того, чтобы сообщать, какие конкретно недоразумения имеют место, говоришь о «каких-то»? В мэрию не пойду, сто раз говорила, что не собираюсь баллотироваться в Думу. Про цирюльника подумаю.

– У Степченко жена должна родить. У нее какой-то предродовой психоз, боится дома одна сидеть. О недоразумениях итальянцы только с вами желают общаться. Мэр будет очень недоволен. Ему нужны в команде сильные женщины. А в парикмахерскую, Виктория Сергеевна, мне очень надо, у меня свидание.

Последняя фраза вызвала у Вики раздражение. «Дуреха все-таки эта Ленка. Нашла перед кем хвастаться удачной личной жизнью!» Она распахнула дверь кабинета и, прежде чем захлопнуть ее за собой, отчеканила:

– Жене пусть наймет сиделку. С итальянцами соединяй немедленно. Мэр – не твое дело. А думать на работе надо о работе, а не о вечерних гулянках.

Вика грохнула дверью, не сомневаясь в том, что Лена за своим столом надула губки и чуть слышно прошептала: «Стерва».

Ну и пусть так. Все одно она права по всем пунктам. Если бы Вика позволяла себе расслабляться на работе (бегать по салонам или исполнять прихоти беременных), все бы давно оказались на бирже труда – и Лена, и Степченко, и даже итальянцы.

Следующие двадцать минут она выслушивала стоны тех самых сицилийских заказчиков в лице представителя местных акционеров будущего отеля, который стрекотал в трубку гневными претензиями о том, что парковка сделана на десять машино-мест меньше, чем было запланировано, номерной фонд не соответствует проекту, и вообще, «Так работать нельзя!».

Вика спокойно уверяла беснующегося островитянина в том, что все будет хорошо. Ее целью было удовлетворить интересы обеих сторон. Сделать это было не всегда легко. Российским инвесторам была необходима хорошая прибыль, и как можно быстрее, а итальянцы зачастую не желали участвовать в стандартных проектах. Хотели больше люксовых номеров, огромные паркинги и особенную территорию. Вот и приходилось Вике играть на два

фронта. По эскизам и документам она старалась угодить итальянской стороне, а реальный проект в итоге соответствовал интересам стороны российской. Конечно, шишки летели на ее голову. Если бы можно было в ее бизнесе обойтись без местных, она, наверное, так и поступала бы, но, как водится, своим гораздо легче решать бюрократические вопросы и улаживать дела с чиновниками, которые в любой стране – не самые желанные люди для общения. С этой точки зрения сотрудничество с итальянцами было необходимым, и из-за этой необходимости Вике уже не раз грозили бешеными неустойками, разрывом контракта и прочими карами, но она не боялась, понимая, что дальше визгов и выпученных глаз итальянцы не двинутся. Отель почти готов к открытию, деньги вбуханы огромные, и, естественно, хочется не только вернуть потраченное, но и заработать. А перспективы хорошего заработка Вика рисовать умела и делала это так искусно, что в конце концов на попятную шли все партнеры, без исключения. Сегодняшний тоже таковым не стал. Выслушал спокойные доводы о том, что стандартные семейные номера и полулюксы приносят гораздо большую прибыль, чем то и дело простаивающие суперлюксы. Согласился с тем, что дополнительный ресторан, возможно, опция гораздо более выигрышная, чем десять парковочных мест.

– Если мы представим отменную итальянскую кухню, то, поверьте, люди найдут, где припарковаться, – снабдила Вика свои увещевания окончательным отменным аргументом, и итальянцу не оставалось ничего другого, как только, чертыхнувшись и обругав «этих ушлых русских», бросить трубку, буркнув напоследок, что они согласны с произведенными изменениями.

Финансовому директору Степченко Вика пообещала одну неделю отпуска, но лишь после родов «ужасно страдающей супруги». Потом она подписала несколько приказов, проверила чертежи проекта на Капри, вдрызг разругалась с начальником архитектурного бюро, которое задерживало эскизы отеля в Венеции, и несколько раз спросила по селектору у Лены, не поступала ли информация от новых инвесторов.

Сардинский проект, который теперь занимал все ее мысли, Вика вынашивала давно. Он был тем детищем, появления которого очень ждешь и постоянно откладываешь из-за того, что хочешь вложить в это событие какой-то особенный смысл, который и сам затрудняешься выразить. Но при этом точно знаешь, что детище твоё должно стать абсолютно грандиозным, потому что только таким образом ты сможешь получить удовлетворение от задуманного.

Вика решила год назад, но не стала делиться идеями ни с одним из имеющихся партнеров. Так же, как матери новорожденного хочется покупать новые вещи для своего малыша, так и ее не отпускало желание сотворить что-то, что она еще никогда не делала, и привлечь к этому тех, с кем никогда не работала. Во-первых, ее воображение требовало больших инвестиций, которые прежние партнеры могли просто не потянуть. А во-вторых, сотрудничество с известными спонсорами позволяло ей сделать следующий серьезный шаг по карьерной лестнице – уже не российского, а мирового масштаба. Такой, что, возможно, ее не просто будут звать баллотироваться в депутаты Московской думы, а еще и вручат орден «За заслуги перед Итальянской Республикой», присвоив звание кавалера, хотя она была по всем статьям «дама». Существовало еще и «в-третьих»: Вика собиралась исполнить заветную мечту, а к исполнению таких желаний, по ее глубокому убеждению, надо было подходить ответственно.

Она как раз размышляла над тем, сколько дней еще надо выдержать паузу, прежде чем решиться самой побеспокоить участников того самого важного совещания недельной давности, когда Лена по селектору сообщила:

– Звонил Бадалян, сказал, что задержится минут на двадцать.

– Наглец! – Вика терпеть не могла, когда люди не только понимают свою значимость, но и беззастенчиво ею пользуются, демонстрируя отсутствие и культуры, и делового этикета.

– И из мэрии тоже. Сильно ругались.

Селектор помолчал немного, потом добавил нерешительно:

– Виктория Сергеевна, а может, все-таки сходить? Вам же все равно теперь спешить некуда.

Вика задохнулась от возмущения. Не хватало еще, чтобы какая-то профурсетка занималась устройством ее личной жизни, да еще жалела и заявляла буквально открытым текстом: «Несчастливая ты баба. Никто тебя не ждет. Никому ты не нужна».

Вот в первый и последний раз была тогда Лена на приеме! Больше в своей фирме никогда и ни за что не станет Вика устраивать никаких приемов. В ресторан – и точка. А туда будут допускаться только начальники отделов. Они, слава богу, в основном мужчины и уж, наверное, не станут трепаться о том, кто из приглашенных какие глазки строил их начальнице. Подумать только! Мало того что заметила, как один из помощников мэра буквально не отлипал от Вики, так теперь еще и в этом сознается и даже дает советы принять ухаживания. Вот нахалка!

Вика мрачно выдохнула в микрофон:

– Да иди ты! В парикмахерскую.

– Как? – не поверила секретарь своему счастью. – Уже? Сейчас можно?

– Можно, – выдавила из себя Вика.

Уж лучше убрать сейчас с глаз противную девчонку от греха подальше. А иначе – как войдет со своим кофе, так и начнет стрелять глазками и прикидывать: ограничиваются ли отношения начальницы и Карена Бадаляна деловым характером или все-таки нет?

Это «или все-таки нет» Лены не касалось абсолютно. Было когда-то, но прошло давно. И хотя Карен постоянно намекал на то, что не прочь возобновить их встречи не только за столом, но и на кушетке, Вика оставалась к намекам равнодушной. Во-первых, она была замужем, а во-вторых...

Хотя первое уже перечеркивало все остальные пункты.

Карен огорошил с ходу.

– Ты, говорят, разводишься, – игриво усмехнулся он, церемонно прикасаясь губами к Викиной руке.

– Кто говорит? – опешила она от неожиданности.

– Теряешь хватку.

– Черт! – Вика поморщилась. Оказывается, адвокатов надо заводить таких, в число клиентов которых не входит ни один знакомый. – Развожусь, но это не имеет отношения к нашей встрече.

– Я знаю, и мне очень жаль.

– Жалеть будешь после. У меня мало времени. Что стряслось?

– Да, в общем, все в порядке. Дела идут, контора пишет. Жаль, что без тебя.

Вика пропустила намек мимо ушей. Карен был ей давно не интересен ни как любовник, ни как деловой партнер. Когда-то бизнес не мог обойтись без людей, имеющих связи и прикрывающих тебя и от органов, и от бандитов. Но Вика давно перешла на другой уровень, и интерес Карена был ей скорее неприятен, чем лестен.

Бадалян усмехнулся, заметив ее равнодушие.

– Деловая ты стала, Вичка, сухая, строгая.

Вика поморщилась. Никто, кроме Карена, не позволял себе так ее называть. Откликнулась:

– Не до сантиментов. Так что тебе надо?

– Граммов десять твоего зелья.

– Ноги? Руки? Голова?

– Спина. Знаешь ведь – вся жизнь на пятой точке, вот и шалит позвоночник.

– Спортом надо заниматься.

Вика встала, подошла к несгораемому шкафу, достала оттуда небольшую банку, отсыпала немного содержимого в маленький пакет, бросила Карену:

– Держи и проваливай. Правда дел по горло.

– Ох, и грубая ты стала, Виктория Сергеевна. Не боишься, что трепану где не надо?

– О чем? – Вика недоуменно вскинула брови. – О разводе?

– Нет, конечно!

Карен мотнул головой на пакетик и ехидно промурлыкал:

– Вот умора-то будет, если узнают, что глава такой мощной компании, всегда собранная, прямая и жутко важная Виктория Струнова – законченная наркоманка.

Вика побагровела, сжала кулаки и прошипела:

– Исчезни!

– Слушаю и повинуюсь! – И Бадалян испарился на ближайшие пару месяцев.

Вика медленно разжала кулаки и со злостью процедила в сторону захлопнувшейся двери:

– Идиот!

Надо заканчивать с этой ерундовой благотворительностью. Конечно, Карен – придурок и не видит дальше своего носа, но, кто знает, сколько еще таких страждущих, которым Вика помогает от чистого сердца, думают о ней черт-те что. Вика покачала головой, опустилась в кресло и сказала с беззлобной грустью:

– Это я – идиотка.

6

В ресторане дым стоял коромыслом. Несмотря на нервную обстановку, Борис любил такие дни, когда на кухне, с одной стороны, царил полный хаос, а с другой – создавалось ощущение полного единения всего персонала, занятого одним общим делом под названием «кулинария».

Борис замер в дверях, пока никто не заметил его появления. Он с каким-то нежным, почти любовным наслаждением наблюдал за работой сотрудников.

Вот Олег Привалов – новенький, но уже доказавший свою незаменимость в команде. Он не претендовал на то, чтобы в будущем дорости до шефа, не изобретал фирменных рецептов и не тратил время на опыты с созданием самого вкусного варианта гуакамоле. Но Олег обладал другими, весьма ценными качествами для повара ресторана, в котором никогда не наблюдается недостатка клиентов. Он готовил очень быстро и никогда ничего не пересаливал, не пережаривал и не портил. Блюда в его исполнении нравились всем без исключения, и хотя были просты и незатейливы, пользовались спросом у посетителей. Ну а когда собирался банкет, Привалов из незаменимого превращался в бесценного повара, успевавшего без опоздания выполнять целую гору заказов.

В левом углу неторопливо помешивал пасту в кастрюле Альберто Тоцци – единственный непрофессионал в команде, никогда не учившийся кулинарному искусству. До того как попасть к Борису, он жил в Москве уже лет пять со своей женой-шведкой, работавшей в столице во всемирно известном концерне по производству мебели. Альберто же, как ни странно, долгое время довольствовался ролью домохозяина. Но дети выросли, и деятельный итальянец заскучал. В один прекрасный день он явился к Борису, громогласно заявив, что хоть он и простой итальянский кабальеро, но отварить пасту так, как это делает он, не сумеет ни один шеф-повар мира. Борис выдал ему кастрюлю, и через пятнадцать минут Альберто из безработного чужеземца превратился в едва ли не самого ценного человека на кухне модного московского ресторана.

Лерочка Блинова. Борис остановил взгляд на немолодой женщине внушительных размеров, колдующей у плиты в дальнем правом углу. Лерочкой он, конечно, позволял себе называть эту величавую женщину исключительно про себя, выражая таким образом свое хорошее к ней отношение. В лицо же и даже за глаза в разговоре с кем-то называл только Валерией Петровной, и делал это с подчеркнутым уважением. Не уважать Лерочку было совершенно невозможно. И дело было не только в том, что никто не мог сравниться с ней в искусстве бланшировки овощей, тушения кролика и запекания утки в брусничном соусе. Уважение вызывали ее негибемый характер и умение отстаивать свою точку зрения. Борис неоднократно становился свидетелем пикантных диалогов между ней и старшим смены.

– Я бы на вашем месте, – уверенно говорил Костя Лытко (обладатель целой кучи сертификатов и наград победителя всевозможных кулинарных конкурсов, один из лучших поваров «Ла Виньи»), – дорогая Валерия Петровна, добавил бы в эту курочку немного специй.

– А я бы на вашем месте, Константин, – тут же парировала Блинова, – занималась бы своим мясом и не лезла со своими указаниями к моей курице.

Лытко вспыхивал, но уровень культуры не позволял ему пускаться в дальнейшие пререкания с женщиной, возраст которой к тому же был гораздо более почтенным, чем его собственный. А Блинова, заметив мрачное настроение начальника, предлагала:

– Наши заказы за один стол идут, кажется? Давайте попросим Ванюшу узнать, что клиентам понравится больше.

Костя, конечно, соглашался, представляя, как удачно и без усилий заткнет за пояс мадам Блинову. Но через пятнадцать минут официант Ванюша докладывал о том, что «мясо

выше всяких похвал, а курочка – просто божественна!». Вот и получалось, что права Валерия Петровна: она была хороша на своем месте ничуть не меньше, чем Лытко – на своем.

Старшему другой смены, Денису Аверьянову, Блинова тоже не давала спуска. Однажды, в особо горячее для кухни обеденное время, Денис позволил себе на пару минут отлучиться. Конечно, никто его не спрашивал, куда и зачем, но и без вопросов было понятно, что убежал он в очередной раз полюбоваться хорошенькой девушкой, которая приходила к ним обедать несколько раз в неделю. Денис уже успел узнать, что зовут ее Катя, работает она в соседнем офисе страховым агентом, а живет уже пару лет с молодым человеком Колей, любит его «очень-очень сильно» и мечтает выйти за него замуж. В общем, шансов у Дениса было совсем немного, но случая взглянуть на предмет своего обожания он не упускал. Не упустил и в тот день, хотя на кухне была запарка. Вернувшись из зала, он сразу набросился на поваров, которые задерживали заказы:

– Вы готовите или ворон считаете, черт побери?! Будем рассусоливать – клиент к соседям уйдет бизнес-ланчи жрать за полчаса. Время – деньги – это новость для вас, что ли? Или без хорошей трепки вы шевелиться не можете?!

Неудовлетворенный в своей страсти Аверьянов орал как сумасшедший, и ошарашенные его напором коллеги вообще перестали двигаться. И только невозмутимая Валерия Петровна продолжала помешивать соус бешамель в кастрюле, не меняя скорости вращения своей руки. Так же неторопливо и негромко она сказала:

– Нам, Денис, не помешала бы помощь, а не трепка.

– Что вы имеете в виду? – не понял Аверьянов, и Блинова тут же разжевала смысл своих слов:

– Я имею в виду, уважаемый Денис Сергеевич, что если бы вы не тратили рабочее время на удовлетворение личных интересов, то за две минуты своего отнюдь не вынужденного отсутствия вы бы успели принять участие в исполнении заказов примерно на три стола. И не было бы никаких задержек. А без ваших опытных рук, – смягчила она удар, – само собой все летит к чертям собачьим.

– Извините! – неожиданно для самого себя буркнул Денис Сергеевич, и это было все, чем он сумел ответить на пассаж своей подчиненной.

Валерия Петровна обладала обостренным чувством справедливости и подавала его в таком искусном соусе из юмора, граничащего с нахальством, что ни у кого не оставалось ни малейшей охоты вступать с ней в пререкания. К тому же и женщиной она была весьма пикантной – из разряда тех ярких, довольно больших женщин, которым необычайно идет полнота и которые умеют грамотно сочетать ее с крупными украшениями и стильными нарядами. Ну и поваром она была замечательным. Других Борис на кухне и не держал.

– А вот и шеф! – обрадованно поприветствовала Бориса Валерия Петровна из своего угла. Бывает же такое: дальше всех стояла, а первой заметила. Все-то у нее получается: и своим делом заниматься, и вокруг глазками стрелять. Вот что значит – женщина! Мужики все, как один, уткнулись в свои сковороды и кастрюли и колдуют над ними, не видя ничего вокруг, а Блинова успевает все и даже больше.

– Общий привет, – кивнул Борис, немного жалея, что не удалось обсудить самому с собой остальной персонал. А ведь еще десять человек заняты на кухне. Эти, конечно, уже рангом помельче – начинающие повара и ассистенты, но толк выйдет из каждого. Бестолковые у Бориса не задерживались. Вернее, они редко к нему попадали. Борис был не просто коммерсантом, не просто владельцем. В первую очередь он оставался поваром, и хотя переложил практически все кулинарные обязанности на старших смены, не утратил способности с первого взгляда определять: хороший перед ним мастер или так себе.

Хорошие мастера разом обернулись к начальнику, и понеслось:

– Гости сегодня будут?

– Ожидаются, Борис Антонович?

– У меня поджилки трясутся... Это ведь такой почет, если «Мишлен» дадут!

– Нам бы лучше зарплату прибавили, а не звездочку. – Это, конечно, Блинова.

Борис тут же прореагировал:

– Зарплату не обещаю, и так не обижены, а за премией не заржавеет.

– Так придут дегустаторы? – Старшим сегодня работал Лытко.

– Надеюсь. Еще одного дня напряжения я просто не выдержу. Дайте-ка мне что-нибудь приготовить. Отвлекусь.

Борис надел колпак и халат.

Следующие три часа он не отходил от плиты. Время от времени к нему подбегали официанты и с выпученными глазами докладывали, что вот сейчас за такой-то столик точно пришли «оценщики», и Борис выходил в зал, чтобы из-за портьеры поглядеть на лица этих людей. Однозначных выводов сделать не получалось. Кто-то оставался совершенно равнодушным к еде, сосредоточившись на застольной беседе, кто-то улыбался и смаковал, громко отмечая изумительный вкус блюд, кто-то требовал подогреть, дожарить или убрать из салата не указанные в меню кедровые орехи (черт побери Лытко с его экспериментами!). Но определить – были ли среди этих клиентов именно те, кого они ждали больше других, Борис, как ни старался, не мог.

К четырем часам дня его волнение достигло предела, и он понял, что дальнейшим своим пребыванием на кухне только все испортит.

– Пойду, пожалуй, – объявил он, жестом подзывая ассистента к своему участку.

– Как это? – хором выдохнули подчиненные, а Блинова уточнила:

– А десерты?

Все знали, что в особенных случаях начальник всегда готовит десерты сам, и никогда с ним не спорили, потому что затмить его, как ни старались, не могли.

– Как вы это делаете? – не раз интересовались коллеги, а Борис всегда отвечал правду:

– Все дело в секретном ингредиенте.

Смотревшие «Кунг-Фу Панду» усмехались и говорили, что подобный ответ означает одно: никакого секретного ингредиента нет. Борис не спорил. Не хотят верить – и не надо. Все равно он никогда им не откроет своей тайны, потому что дал слово, а держать свое слово он умел.

– Десерты готовы.

Борис с торжествующим видом открыл самый дальний холодильник. Все полки были забиты итальянскими сладостями, над которыми он вчера трудился полночи. И правильно сделал. Как чувствовал, что сегодня нервишки расшались. Жаль, что тогда, много лет назад, вместе с этим секретным ингредиентом он не выпытал себе и рецепт от волнения. Он вообще много рецептов тогда упустил. Надо было брать и от хандры, и от ревности, и от неправильного выбора спутницы жизни...

Борис вышел из ресторана и направился к кинотеатру, размышляя о том, что он уже прямо признается себе: женитьба на Манюне была ошибкой. Кинотеатр – правильная идея. Хорошее кино хотя бы на два часа освободит его от любых мыслей, кроме захватывающего сюжета. И еще можно будет с чистой совестью наконец отключить телефон, потому что Родненький своими звонками и вопросами довел его уже до белого каления. Стоило об этом подумать, телефон заверещал снова.

– Ну что? Как у тебя? Есть новости? – возбужденно заорал Генка.

– Ты меня достал, Родной! Я же три раза сказал, что понятия не имею. Может, приходили, а может, и нет. Они не представляются, и на мордах у них не написано.

– Но у тебя же могут быть предположения, – игриво протянул Генка.

– Да нет у меня никаких предположений. Отстань, Ген!

– Я же за тебя волнуюсь, – обиделся друг.

– Это очень приятно, но своими волнениями ты загонишь за Можай свой бизнес.

– Да ладно... Мы сидим, а денежки идут. А ты, кстати, чем занимаешься? Пыхтишь в трубку, и шум какой-то уличный доносится.

– А я в кино иду.

Пауза была многозначительной, потом трубка разразилась гневной тирадой:

– Ты че, Борян, сбрендил совсем? У тебя судьба решается, а ты свинтить решил? Ты вообще соображаешь, что творишь? А десерты? Ими кто комиссию поражать будет?

Генка снизил голос до шепота:

– Или ты открыл своим поварчатам свою великую тайну?

– Ничего я не открыл. Ген, все в порядке. Успокойся, пожалуйста, а то ты своими звонками меня только будоражишь еще больше.

– Скажите пожалуйста! Будоражу я его. Что-то незаметно. По-моему, только абсолютно спокойная личность может в такой ситуации бросить свое детище на произвол судьбы. О чем ты вообще думаешь?

Борис не соврал, ответил:

– О том, что твоя Иришка ошиблась.

– Не понял, – опешил Генка. – Они что, не приходили, да? Ты решил, что они не придут? Да глупости какие-то! Может, они поужинать решили, а не пообедать. Откуда тебе известны их планы? И ничего Ирка не ошиблась, она все точно запомнила.

– Родненький, уймись, я вовсе не о комиссии.

– Нет? – окончательно растерялся Родненький. – А о чем?

– Да так. О своем.

Ну не говорить же сейчас про Манюню...

– Слушай, я уже к кассе подошел, тут кино через три минуты начинается, – соврал Борис, даже не взглянув на афишу, – хочу успеть.

– Давай-давай, придурок! Ломай свою судьбу! – расщедрился Генка на искреннее пожелание и бросил трубку.

Борис без всякого сожаления отключил телефон. Делиться наболевшим не хотелось ни с кем, да и не с кем было. С родителями, которые в Манюне души не чают и каждый раз говорят о том, как же повезло их сыну с такой замечательной женой? С Генкой, который все еще продолжает писаться кипятком от счастья из-за того, что так удачно устроил личную жизнь друга? С коллегами, которым нет да и не должно быть никакого дела до личной жизни своего начальника? Хотя Валерия Петровна его определенно поняла бы и, наверное, со свойственной ей прямоотой посоветовала бы «послать свою синхронисточку куда подальше».

Борис наконец посмотрел на афишу. Два ужастика, мультфильм, триллер, разрекламированная наша комедия и какая-то документалистика про дельфинов. В общем, ничего настолько захватывающего, что могло бы гарантированно помочь ему отвлечься. Борис выбрал комедию с надеждой хоть немного поднять настроение. Это ему удалось. Шутки были отличные, сюжет нетривиальный, и из зала он вышел в гораздо лучшем расположении духа. Достал мобильник и с удивлением обнаружил, что за два часа никому в голову не пришло озаботиться его поисками. Мир не перевернулся и смог легко обойтись без него. Мелькнула шальная мысль: не вернуться ли в кинотеатр – понаблюдать за жизнью морских млекопитающих, но Борис сдержался. Такой загул был бы уже непростительным. В смысле, он сам не смог бы себе его простить. Борис позвонил в ресторан. Спросил снявшего трубку менеджера:

– Как там у вас? Справляется?

– Обижаете, Борис Антоныч.

Вадик Солоницын говорил, как всегда, неторопливо и вдумчиво. Иногда Борису казалось, что если спросить старшего менеджера зала, сколько будет дважды два, тот бы подумал секунды три, прежде чем медленно, нараспев дать правильный ответ. В популярном заведении Нью-Йорка Солоницын не задержался бы и двух дней. Там (особенно в выходные) надо суетиться между столиками, мгновенно оценивая обстановку, легко ориентируясь в толпе ждущих своей очереди у стойки бара, в очереди у дверей, а то и на улице. И ни о ком не забыть, никого не обидеть. Вадик, конечно, клиентов тоже не обижал, но был обстоятелен и нетороплив, даже когда зал был пуст, а посетители проявляли нетерпение, с порога объявляя о спешке. Но никакие подобные заявления не могли заставить Солоницына изменить ритуал встречи: «Пожалуйста в гардероб, обратите внимание на настенные маски – ручная работа итальянских мастеров. Говорят, сам Донато Сартори...» Если клиент терпеливо слушал, далее следовала биография итальянского актера, режиссера, художника и мастера по изготовлению венецианских масок. Если же посетитель начинал хмуриться, дергаться или выражать недовольство любыми другими способами, Вадим переходил к следующему пункту своего меню: «Какой зал предпочитаете? Есть театральный в духе комедии дель арте. Есть тяжелый ампир – роскошь и золото. Или вас провести в исторический? Где предпочтете разместиться: на ступенях Колизея, в гондоле под мостом Риальто или в садах Ватикана?» Многие в этом месте пытались повысить голос:

– Мне все равно, только побыстрее.

Не моргнув глазом, не поведя бровью, Солоницын реагировал невозмутимо:

– Побыстрее вы могли бы довольствоваться куском пиццы в фастфуде, но вы ведь пришли сюда.

В последнее слово Вадик вкладывал столько смысла, что у любого, даже самого вредного, искушенного и жутко спешащего по своим делам клиента создавалось впечатление, что он попал в святая святых и, принимая его, Солоницын оказывает ему огромную честь. Все-таки был у Вадима дар общения с людьми, который даже Борис не сумел разглядеть сразу. Пару раз понаблюдав за вводной экскурсией, он делал Солоницыну замечания. На что тот недоуменно спрашивал:

– Разве кто-то из посетителей жаловался или уходил?

Наступал черед Бориса удивляться:

– Вроде бы нет.

– А какие тогда претензии?

И претензий действительно не стало. Более того, Солоницын теперь так же, как изысканная кухня и удивительный интерьер, стал своеобразной достопримечательностью «Ла Виньи». Благодарные клиенты рассказывали о том, что «там вас не только вкусно накормят, но и подарят интересную экскурсию». И кавалеры спешили воспользоваться даром Вадика и поразить своих дам вечером в необычном ресторане.

Когда Борис слышал или видел Солоницына, то всегда испытывал благодарность, смешанную с невольным страхом. Вадик был единственным работником, которого Борис взял на работу, что называется, по знакомству. Был он сыном одного из приятелей родителей Бориса. Причем – сыном непутевым. Из тех, кто любит валяться на диване и проедать родительскую пенсию. Солоницын, конечно, не относился к числу полных тунеядцев. Он окончил истфак, числился в каком-то институте и дни проводил не за бутылкой, а за чтением чрезвычайно умной литературы. Жизнь была он своей вполне доволен и возмущенным родителям не раз говорил о том, что ценить необходимо духовное, а не материальное. На работу у Бориса Вадик согласился скрепя сердце, но, обнаружив возможность применить в ней любимую историю, смирился и начал даже получать удовольствие. А Борис постоянно боялся, что удовольствие пропадет. Или созреет у Солоницына куда более здравая мысль: направить свои способности в более конструктивное русло. Например, пойти работать экс-

курсоводом. С его знаниями любая туристическая контора почла бы за честь отправить с ним группу страждущих в поездку по Италии. Да и сам Вадим увидел бы что-то новое и захватывающее. А так – он уже третий год видит одни и те же залы, картины, люстры и фотографии. И, кажется, уже сам придумывает о них факты и события, никогда на самом деле не происходившие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.